Ровесник

12
1977

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

На первой странице обложки: крестьяне одного кооператива близ Ханоя. Красный флаг с большой золотой звездой, флаг Социалистической Республики Вьетнам, реет ныне не только над городами и деревнями этой героической страны. 20 сентября он взвился в Нью-Йорке на берегу Ист-Ривер после того, как СРВ была провозглашена 149-м членом ООН и участники XXXII сессии Генеральной Ассамблеи стоя приветствовали ее делегатов.
Фото «Эуропео», Рим

Декабрь, 1977 год, № 12

**Генеральный секретарь МСС:
СТУДЕНТЫ МИРА И НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ СОВЕТОВ.**

Искусство: ХРОНИКА. ПРОБЛЕМЫ. МНЕНИЯ.

БУХАРЕСТ. В текущей пятилетке в СРР предусматривается завершить переход к всеобщему десятилетнему образованию. Для успешного решения этой задачи культурного строительства уже многое сделано. За последние 10 лет построено более 1800 новых школьных зданий, 530 интернатов на 135 тысяч мест, большое количество школьных мастерских, спортивных залов и т. д. В системе высшего образования прибавилось 500 тысяч квадратных метров учебной площади и 28 тысяч новых мест в общежитиях. Социалистическое государство ассигнует значительные средства на нужды народного образования.

ИОГАННЕСБУРГ. На протяжении всего этого года непрерывным потоком из ЮАР шли сообщения о молодежных волнениях в Соуэто, где в ужасающей нищете ютится около миллиона коренных жителей этой страны. Убийство палачами южноафриканской охранки лидера черных студентов Стива Бико, возглавлявшего движение протеста в Соуэто, вызвало гнев и осуждение во всем мире. Школьники и студенты ответили на это убийство новыми манифестациями и забастовками.

На снимке: на улицах Соуэто, который в эти месяцы напоминает прифронтовой город.

ГАВАНА. Приступили к работе 900 преподавателей средних школ — первых выпускников педагогического отряда имени Мануэля Аскунсе. В западном полушарии нет другой страны, добившейся таких успехов в народном образовании, как Республика Куба. До революции во всех учебных заведениях страны было всего 20 тысяч преподавателей, сейчас 184 тысячи. В различных педагогических институтах и училищах готовятся еще 145 тысяч учителей, 700 тысяч человек учатся в средних школах, это в десять раз больше, чем до 1958 года.

РОСТОК. С 1945 по 1977 год население города Ростока увеличилось со 100 тысяч до 230 тысяч. Вокруг старой части города выросли новостройки. Рольф Лаш, главный архитектор, планирует город так, чтобы в нем «было много ветра и зелени». Планы благоустройства осуществляются при активном участии молодежи самими жителями города во время субботников под девизом «Делай с нами». За прошедший год в Ростоке жителями было посажено 100 тысяч деревьев, благоустроено семь городских парков и создано множество новых скверов в каждом жилом массиве.

На снимке: школьники Ростока на субботнике.

БОНН. Вся система образования ФРГ задыхается от недостатка средств. В этом году, например, министерству просвещения «недодали» более 200 миллионов марок. Во многих вузах урезаны учебные программы, сокращен прием студентов, остались без мест многие профессора и преподаватели, сведены до минимума права студенческого самоуправления. Вот несколько примеров. Уже несколько лет студенты города Трира, родины Карла Маркса, добиваются, чтобы их университету было присвоено имя их великого земляка. Власти упорно отвечают отказом. Университет в Ольденбурге борется за право носить имя Карла фон Осецкого. Недавно правительство земли Нижняя Саксония специальным распоряжением запретило включать имя видного антифашиста, лауреата Нобелевской премии в эмблему Ольденбургского университета. В Дюссельдорфе был наложен запрет на решение студенческого комитета дать местному университету имя Генриха Гейне.

БРАЗИЛИА. С угрожающей быстротой растет преступность среди бразильской молодежи. Подавляющее большинство зарегистрированных преступлений совершено подростками. Главная причина этого социального бедствия — нищета многодетных семей, безработица. Другая причина — бесконтрольная торговля оружием. Только в одном Сан-Паулу к услугам желающих пополнить свой арсенал 70 оружейных лавок и «черный рынок», где сбывают краденое оружие за бесценок.

ЛОНДОН. К зиме 1977 года армия «лишних» на рынке труда увеличилась в Англии еще на 160 тысяч человек. Более 100 тысяч среди них выпускники школ и колледжей. Особенно трудно получить работу выходцам из стран Азии и Африки. По данным английской печати, только в Лондоне за несколько последних месяцев число безработных выросло в два с половиной раза.

КИНГСТОН. Создан молодежный корпус Ямайки (МКЯ). Его задача — обеспечить молодежь работой и приобщить ее к активному участию в жизни страны. Члены МКЯ получат различные специальности, будут работать в сельском хозяйстве, промышленности, на стройках. Как заявил руководитель комиссии по выполнению программы социального развития М. Эйффлик, правительство отводит МКЯ важную роль в повышении производительности национальной экономики.

НЬЮ-ЙОРК. Плакат, на котором начертаны главные лозунги Союза молодых рабочих за освобождение, во время Недели действий за полную занятость молодые американцы пронесли от Тихого до Атлантического океана. Безработица особенно тяжело бьет по молодежи. Если к моменту прихода администрации Картера безработица среди негритянской молодежи составляла 30 процентов, то сегодня почти каждый второй негр, не достигший 20 лет, не имеет работы.

На снимке: «Молодежь требует работы», — написано на плакате Союза молодых рабочих за освобождение.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ЛАКСЕНБУРГ. В Международном институте прикладного системного анализа (ИСА) завершил работу семинар молодых ученых из трех стран — СССР, США и Австрии — по проблеме управления крупномасштабными программами развития. Такое мероприятие в ИСА проводится впервые. Этот Международный институт был создан по инициативе СССР и США в 1972 году в небольшом городке в 15 километрах от Вены. В нем сотрудничают ученые из 17 стран, они исследуют проблемы, имеющие глобальное значение: энергетика, охрана окружающей среды, использование природных ресурсов и продовольствия. Первый семинар молодых ученых, по мнению его руководителя профессора Э. Квейда (США), помимо очевидной научной пользы, помог установить деловые контакты.

ИСА — один из примеров претворения в жизнь Заключительного акта Общеевропейского совещания. В этой неправительственной международной организации на практике осуществляются хельсинкские договоренности, расширяется взаимовыгодное сотрудничество ученых социалистических и капиталистических стран для решения проблем, жизненно важных для всех народов мира.

ЛУАНДА. Для оказания интернациональной помощи ангольскому народу сюда приехали посланцы Союза свободной немецкой молодежи (ГДР), они работают на кофейных плантациях, помогают вывезти урожай этой важнейшей экспортной культуры из сельской местности на обрабатывающие предприятия и в порты. Как подчеркивает газета «Жорнал ду Ангола», совместный труд молодежи ГДР и НРА укрепляет узы дружбы между двумя странами.

ЛОНДОН. Волна протестов против наращивания гонки вооружений и планов производства нейтронной бомбы в США докатилась до шотландского залива Холи Лох, где вот уже 16 лет базируются американские ядерные подводные лодки. В марше протеста приняло участие более 1000 борцов за мир из различных городов Великобритании, а также из США, Японии и других стран. Как заявил на митинге генеральный секретарь Шотландского конгресса тред-юнионов Джимми Милн, ядерная база в Холи Лох представляет собой угрозу безопасности не только для самой Великобритании, но и для всего человечества.

На снимке: посланцы Японии идут в первых рядах демонстрации, на лозунгах которой написано: «Пусть убираются американские субмарины, несущие смерть; ядерная база в Холи Лох должна быть ликвидирована».

ОБ ИНТЕРЕСАХ КАЖДОГО И ИНТЕРЕСАХ ВСЕХ

Фатхи ЭЛЬ-ФАДЛ,
генеральный секретарь Международного союза студентов

Новая Конституция СССР стала ориентиром в борьбе всего прогрессивного мира за жизнь, достойную человека. О борьбе студенчества капиталистических стран за право учиться и работать рассказывает генеральный секретарь МСС. Хронику этой борьбы вы видите на фотографиях.

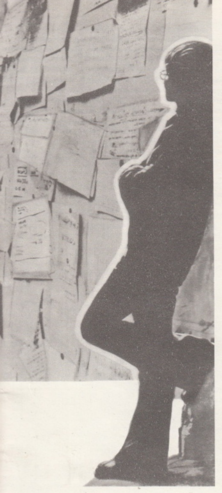
В нынешнем году всемирная история обогатилась крупным событием. Я имею в виду, конечно, принятие новой Конституции СССР. О значении этого документа говорит уже тот факт, что обсуждение проекта фактически вышло за рамки Советского Союза и стало международным. Новая Конституция — концентрированный итог развития Советского государства за 60 лет, прошедших с момента Великой Октябрьской социалистической революции, — события, которое радикально изменило картину современного мира и вдохновило народы на борьбу против войн, за истинную демократию, за истинный со-

на стр. 8 ▶

В ОТДЕЛАХ КАДРОВ С ЧУЖИМ УСТАВОМ

Ф. КРУТИКОВ

Журнал «Эсквайр» опубликовал в июльском номере за 1977 год «Курс выживания на двадцати семи страницах...» — рекомендации нынешним и будущим соискателям работы. Дело в том, поясняет «Эсквайр», что сейчас в США «семь миллионов все еще без работы (цифра, очевидно, заниженная; даже профсоюзы говорят сейчас о 10 миллионах); к 1981 году нам необходимо 19 миллионов рабочих мест, а экономисты предупреждают нас: не ждите чуда». Короче, «Эсквайр» предлагает безработным полагаться на самих себя, а также на маленькие хитрости, знание которых должно помочь в борьбе с конкурентами.

Советы показались нам любопытными, и наш корреспондент, вооружившись ими, пошел... устраиваться на работу.

Самое главное при поисках работы — не впасть в отчаяние... Считайте поиски работы своим последним учебным годом, или крупной игрой, или своего рода работой. А главное, не падайте духом! Вы ни в коем случае не должны выглядеть растрепанным и неопрятно одетым. Купите себе новый галстук. Почистите ботинки. Сделайте маникюр, сходите в финскую баню, словом, сделайте все, что поднимет вам настроение.

Я постригся, побрился, сделал себе аккуратную прическу. Я извлек из шкафа черный костюм, который первый и последний раз в жизни надевал пять лет тому назад на выпускной вечер (с тех пор у меня к костюмам отчего-то развилась нелюбовь), и обнаружил, что у меня значительно выросли руки и ноги. Чтобы выполнить условия эксперимента полностью, с научной точностью, я купил в ГУМе новый чешский галстук. Весь вечер я полировал мои новые туфли бархоткой. Маникюр я делать не стал. Мне кажется, я был достаточно хорош и без маникюра. Когда утром я шел по улице во всей своей роскоши, ко мне бы не придрался даже самый придирчивый редактор «Эсквайра». Я добросовестно старался соблюдать правила игры, установленные «Эсквайром», а по этим правилам из молодых безработных специалистов лучшие шансы имеет тот, кто в галстуке. Сверкая туфлями, я прошел по большому залу Центрального телеграфа и остановился у окошка, где висело объявление, написанное от руки на картонке: «Требуются почтальоны, почтальоны на вечернюю доставку, диспетчеры. Звоните!» Я нажал звонок под окошком и стал ждать.

На соседней скамейке сидела маленькая бойкая старушка и укладывала яблоки в фанерный ящик для посылок.

— Звони, звони, сынок! — сказала старушка. — Зови их, покуда не выйдут! А то, ишь, зовешь, не дозовешься, моду себе взяли... Звони, говорю, родимый! — прикрикнула старушка, и я зазвонил длинным требовательным звонком.

Вышла женщина лет пятидесяти, высокая, седая, со строгим лицом.

— Что звали? — осведомилась женщина. — Утренние газеты уже в доставке.

— Я насчет работы, — сказал я, с напряжением, не моргая глядя женщине в переносицу, ибо «Эсквайр», этот знаток человеческой души, рекомендовал:

Многие будут советовать вам смотреть нанимателю в глаза. Но это невозможно. Через десять секунд вы начнете хихикать. Смотрите ему на переносицу, и он будет думать, будто вы смотрите ему в глаза, что его вполне устраивает. Вам зачтут очки за откровенность и прямоту.

— Что — насчет работы? — спросила женщина. — У нас тут отдел доставки. Паспорт с собой? Идите оформляйтесь в отдел кадров, вход с другой стороны здания, оформитесь — приходите работать.

В окошко она не видела моих до блеска начищенных башмаков; она не обратила никакого внимания на купленный в ГУМе галстук и, похоже, не заметила моего взгляда, свидетельствовавшего об откровенности и прямоте. Похоже, я зря старался.

— Торопится, бежит, — сказала старушка. — И они на почте все так, у них работа такая. Ты, сынок, не иди на почту — ты иди куда полегше, поспокойнее.

— Куда же это, бабушка?

— А в такси иди, — сказала старушка своим ясным голоском. — У меня опять же сын в такси. — Она задумчиво пожевала губами и сказала фразу, слышанную от кого-то: — Рекомендую тебе, приятель, одиннадцатый таксомоторный парк.

Одиннадцатый таксомоторный парк находится на Тимирязевской улице. В начале улицы, в тени деревьев, стояла светло-зеленая «Волга»-такси. Таксист в кожаной курточке и в вязаной шапочке с помпоном курил сигарету, в элегической позе прислонившись спиной к одному из деревьев. Из-под шапки лихо выбивались пшеничные кудри.

— Поедем, а? — предложил он мне, когда я замедлил шаги у автомобиля.

Я вспомнил рекомендацию «Эсквайра» о том, что:

Чаще всего интересную работу получает тот, кто знает кого-нибудь. Через приятелей в той или иной смежной области вы сможете познакомиться с различными влиятельными людьми. А когда наступит подходящий момент, вы можете обронить словечко, что вы, дескать, подыскиваете место,

---

и подумал: «Вот он, случай приобрести приятеля в той или иной смежной области», и сказал, солнечно улыбаясь:

— Спасибо, я не собирался. А вы в этом парке работаете?

— Так точно! А что такое?

— Я тут по делу... — дипломатично начал я, но таксист перебил меня вопросом, так, будто мы были старыми друзьями:

— Что за дело-то?

— Работать хочу устроиться.

Таксист оглядел меня, одетого со скорбным и унылым пафосом, выстиранного, проглаженного и аккуратного, и спросил, из сочувствия переходя на «ты»:

— А машину-то ты водить умеешь?

— Ясно, умею, — мимоходом подтвердил я и продолжил дипломатическое наступление в духе инструкций «Эсквайра». — А как у вас тут с приемом на работу? Вы с начальником отдела кадров не знакомы?

«Ищу работу!» Объявления висят месяцами, желтеют буквы и номера телефонов. Приходят новые люди — студенты и уже выпускники — и пишут снова: «Ищу работу!» Этот символический тупик вы видите на верхней фотографии — в таком тупике оказываются миллионы молодых людей в Англии, Франции, США, Италии, Японии. Вот вопрос: легко ли найти работу, когда работы нет?

Фото нижнее сделано в Москве: инженеры Иванов и Кузнецов рассказывают о том, как они нашли работу и как работа нашла их.

— Я тут со всеми знаком, парень! — сказал таксист. — А зачем тебе это?

— Работу ищу! — многозначительно намекнул я. — Так что за человек у вас начальник отдела кадров?

— Мужик ничего, — сказал таксист. — Но убей меня бог, зачем тебе это?

Я чувствовал себя полным дураком, потому что не все ли равно мне было, что за человек начальник отдела кадров. Но я не просто развлекался: я проводил СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, и тут необходима была глубочайшая выдержка. Потому я продолжал выведывать упорно и хитро, как агент иностранной разведки:

— А он что, начальник отдела кадров-то, молодой или старый? Работает здесь давно?

— Лет сорока, а работает недавно, — сказал таксист. — Так послушай, я тебе посоветую: устроишься, бери лучше сначала старую машину...

— Нет, минутку, — начал я опять с маниакальным упорством. — А он, начальник этот, всех берет или нет?

Таксист оглядел меня, особо задержавшись на застегнутом на все пуговицы пиджаке и на галстуке, который был повязан элегантным, средних размеров узлом, прямо под крахмальным стоячим воротничком, который подпирал мой выбритый до синевы подбородок.

— Ты псих, что ли? — вежливо, но твердо спросил он.

После этого неприятного эпизода я поехал в центр отдохнуть, пообедать и подумать, на какую работу мне бы устроиться еще. В центре я зашел в кафе «Сластена», что на площади Пушкина. Там, запершись в туалете, я взлохматил волосы, приспустил узел галстука на грудь и расстегнул пиджак. В таком виде я спросил у кассирши, не возьмут ли меня бухгалтером. «Возьмут», — сказала она. Моя внешность ее не беспокоила. Я снова заперся в туалет и привел себя в порядок: прилизал волосы, поднял узел галстука под воротничок и застегнул пиджак. После этого я направился на Цветной бульвар, в «Литературную газету», куда решил устроиться журналистом, в отдел социально-бытовых проблем.

Приехав в «Литературную газету», я долго блуждал по длинным коридорам, устланным ковровой дорожкой, мимо бесконечного ряда одинаковых дверей с табличками. Коридоры перекрещивались, выходили на лестничную клетку, разветвлялись, вели в тупик. Когда я наконец нашел нужную мне дверь, оказалось, что начальник отдела кадров ушел обедать. Чтобы не терять времени, я еще раз проштудировал рекомендации «Эсквайра». Там был раздел, который так и назывался: «В ожидании беседы». В этом разделе рассказывалось о методах работы директора по найму нескольких компаний Питера Мелонаса:

«Лично я предпочитаю держать телефонную трубку (говорит м-р Мелонас), когда они входят, даже если мне никто не звонит. Я приветствую их кивком и улыбкой, но не говорю им, куда сесть. У них три возможности: стул по другую сторону стола, ближний или дальний конец дивана. Уже по их выбору я могу судить, насколько они самоуверенны и нуждаются в моей поддержке во время беседы. Затем я наблюдаю, какую книгу или журнал они берут с журнального столика — по искусству, по истории или то, что я называю «сильные» книги...» М-р Мелонас говорит, какое значение он придает манере поведения. «Молодой человек со скрещенными руками для меня как бы закрыт. Если он сидит скрестив ноги, то пятка ноги, которая сверху, должна быть направлена в мою сторону, иными словами, видна мне».

Мистеру Мелонасу не нравится, когда нанимающийся на работу курит, слишком часто называет его «сэр» и носит короткие носки. Но он не такой привередливый, как Дж. Эдгар Гувер, например, который мгновенно отвергал кандидата в агенты ФБР, почувствовав при рукопожатии, что у того потная ладонь.

Я стоял в коридоре и пытался оценить свои шансы. Я не курил, не собирался никого называть «сэр», и, слава богу, носки у меня не были короткими. В случае подвоха с книгами я решил взять то, что м-р Мелонас называет «сильными» книгами, хотя не совсем понимал, что это значит. Я прочел несколько раз следующую рекомендацию:

Сделайте так, чтобы о вас долго помнили... Перед кадровиками каждый месяц проходят сотни претендентов на работу, и они забывают, кто есть кто. Запоминается лишь тот, кто отколет какую-нибудь штучку. Только смотрите не перестарайтесь.

Что имелось в виду? Надо бросить чернильницу в окно, или с невозмутимым видом достать из-за пазухи коробку шпрот и, извинившись, попросить консервный нож, или надо достать из кармана батистовый платочек и протереть ботинки? Или надо ворваться в кабинет начальника отдела кадров с криком: «Толик, я соскучился по работе»? Вероятно, «Эсквайр» не это имел в виду; но придумать такую штучку, которая понравилась бы редакторам «Эсквайра», я не мог. Почему, черт возьми, они составляют такие расплывчатые рекомендации?

Мимо меня в отдел кадров прошла полная женщина в кофточке и юбке ниже колен. Я зашел за ней в комнату, где стояли столы с папками и печатными машинками и где пахло, как пахнет в библиотеках — пылью и старой бумагой.

— Вы к кому? — обратилась ко мне женщина, усаживаясь за один из столов.

— Я по поводу работы, — сказал я.

— Садитесь, — кивнула женщина на стул перед столом.

Я оглянулся, ища диван, но его не было. Вероятно, в отделе кадров «Литературной газеты» не были знакомы с методами работы м-ра Мелонаса. Я сел на стул, сконцентрировавшись на том, чтобы — на всякий случай — моя пятка была видна женщине-кадровику, если она встанет и пройдется. Чтобы как-нибудь ненароком не сложить руки на груди, я вцепился в сиденье.

— Я слушаю вас, — сказала тем временем женщина, двигая по столу какие-то бумаги.

Уставившись женщине в переносицу, вывернув ногу, чтобы получше была видна моя левая пятка, я сказал:

— Я бы хотел устроиться работать. — После чего я замолчал и стал ждать вопросов.

— Ну, ну, — ободрила меня женщина. — В типографию? В охрану?

— Нет, конечно, не в типографию и не в охрану, — вежливо ответил я. — Я бы хотел устроиться в отдел социально-бытовых проблем, штатным сотрудником.

Женщина улыбнулась и спросила:

— А какой институт вы кончали?

— Я институтов не кончал, — гордо сказал я.

Женщина задвигала бумаги по столу. Казалось, она чувствовала неловкость оттого, что ей придется отказать мне. Она тянула время, она ждала, что, может быть, придет кто-то и спасет ее от меня, который восседал, прямой и казенно-траурный, как сотрудник похоронной конторы. По-моему, в тот момент от меня действительно веяло могильным холодом.

— Я вырос в деревне, — начал я мрачно. — Долгое время после работы я разносил газеты. Я умею и люблю работать. — Женщина, опустив лицо, все двигала бумаги на столе. — Я даже по воскресеньям встаю в семь тридцать утра, — добавил я.

Это я пересказывал своими словами следующую рекомендацию «Эсквайра»:

Скажите, что вы выросли на ферме или что вы до начала уроков разносили газеты, а после уроков работали еще где-нибудь — все, что угодно, лишь бы создать впечатление, что вы очень энергичный человек и привыкли ложиться спать поздно. Скажите, что вы встаете обычно в семь тридцать, даже по воскресеньям. Никто не любит сонь, тем более что начальству больше пользы от вас, когда вы бодрствуете, чем когда вы спите.

— К сожалению, — начала женщина, — штатные должности все заняты... Даже если бы была свободная должность, мы не смогли бы взять вас, потому что на эту работу требуются люди с образованием и с опытом редакторской работы. — Спокойный характер, хорошее воспитание и профессиональный долг не позволяли ей выгнать меня, наглого неуча, из кабинета. Более того, она хотела помочь мне: — Если вы хотите работать в прессе, то вам имеет смысл — для начала — устроиться к нам в типографию, изучить типографское дело. Вы тогда будете знать, как делается газета. Потом сможете поступить на журналистский факультет. А кончите — приходите к нам, тогда, может, для вас будет место. Впрочем, — добавила она, — вы можете дождаться начальника отдела кадров.

— Благодарю вас, — сказал я и ушел.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ был продолжен беседой о проблемах трудоустройства с инженерами Ивановым и Кузнецовым.

Михаила Иванова и Валентина Кузнецова вы видите на снимке. Иванов — крайний слева. Кузнецов — крайний справа. Они работают инженерами в Институте высоких температур АН СССР. Я разговаривал с ними в одном из кабинетов конструкторского бюро. В кабинете стояло два стола буквой Т, несколько стульев и шкафчик с техническими справочниками. Иванов и Кузнецов чувствовали себя тут спокойно, по-домашнему. Мы сидели за столом, сдвинув чертежи в сторону, напротив друг друга. Я должен был выявить реакцию молодых советских инженеров, тоже когда-то поступавших на работу, на советы «Эсквайра» и думал, что их реакция будет такова: непонимание, даже удивление. Но мы говорили, говорили, а непонимания и удивления я не получил. Они все прекрасно понимали и не удивлялись: им казалось, что «Эсквайр» по-своему, на американский манер, логичен.

Иванов: Мне двадцать три года. Я кончил МАИ, второй факультет. Этот факультет готовит инженеров по двигателям. Когда я кончил институт, мне предложили на выбор три места. Я выбрал ИВТ, потому что это близко от дома и работа меня устраивает. Пришел работать — сразу дали свой участок, ответственную работу. Мне моя работа нравится. К примеру, когда из отпуска возвращаюсь, то всегда дней на пять раньше — по работе соскучишься, хочется подготовиться, настроиться...

Кузнецов: Работаю тут с 1962 года, с года основания института. Получаю сто

девяносто рублей. На прежней работе получал сто шестьдесят. Кончил институт, устроился на работу, работал. (Уголки губ поползли вверх: «О чем тут говорить, что за пустая трата времени?») Живу я тут, неподалеку, с женой и двумя детьми. У меня двухкомнатная квартира. Детский сад, куда ходит моя дочь, — от предприятия. Рабочий день у меня начинается в девять. Работаю: расчеты делаю, чертежи. Потом обед: сорок восемь минут. Не сорок семь и не сорок девять, а именно сорок восемь. Потом работаем до полпятого... В отпуск езжу в горы, занимаюсь альпинизмом.

Я спросил: «По работе в отпуске скучаете?» Уголки губ снова поползли вверх, и он сказал: «Нет, по работе в отпуске не скучаю. Альпинизм, знаете, очень увлекает. — И, рассказав про свою жизнь, с инженерной логикой сделал вывод: — Никаких трудностей с трудоустройством у меня никогда не было».

Иванов: Когда я пришел оформляться, то начальник отдела кадров отвел меня в кабинет замдиректора института. Такой порядок: замдиректора лично знакомится с каждым молодым специалистом... Что касается одежды, то совсем не обязательно, когда идешь устраиваться на работу или разговаривать с будущим начальством, одеваться так строго, как советует «Эсквайр». Это ведь не парад мод... хотя, конечно, определенные рамки существуют — из уважения к себе и к человеку, который разговаривает с тобой, не придешь, например, в кедах... Разговор длится обычно полчаса, минут сорок. Тебе рассказывают про производство, про то, какая есть работа, спрашивают, как учился, как диплом защитил, чем интересуешься, в каком отделе бы хотел работать — в расчетном, проектном или технологическом... Обычно постоянно есть свободные места, где-то да не хватает людей. Но если ты считаешь, что тебе непременно нужно работать в другом месте или в другом отделе — как правило, идут навстречу. Никаких провоцирующих вопросов не задают, на стрессовое интервью это непохоже. (Это я рассказал инженерам об одной каверзе кадровиков, о которой предупреждает «Эсквайр»: стрессовое интервью. То есть такое, где пытаются запутать, сбить, чтобы поглядеть, как ты выкручиваешься в сложных ситуациях.) Это даже интервью назвать нельзя, беседа. Вопросы только о деле, никто тебе в душу не лезет... Все происходит в высшей степени доброжелательно... Насчет друзей и влиятельных лиц? Устройство на работу происходит так: институт направляет заявки на молодых специалистов в Президиум Академии наук СССР. Президиум распределяет заявки по учебным институтам, но так как заявок всегда больше, чем молодых специалистов, то, как правило, при распределении каждый имеет возможность выбирать...

Не называйте действительную сумму вашего дохода... Один заведующий кадрами сказал, что почти все, по его мнению, преувеличивают размер получаемого прежде оклада. Так что сами себя накажете, если не будете обманывать («Эсквайр»).

Иванов: Зачем обманывать? В чем, собственно, обманывать? Даже если исходить не из каких-то моральных норм, а из меркантильных соображений, то обманывать при приеме на работу нет никакой выгоды.

Я спросил на всякий случай:

— А вас-то про зарплату или там доход спрашивали?

— Чей доход? — не понял Иванов.

— Ваш.

— Какой у меня доход, если я тогда только что институт кончил?

— Ну, родителей, — сказал я, чтобы как-нибудь вывернуться из ловушки, которую сам себе расставил нелепым вопросом.

— Нет, ни про какие доходы не спрашивают, — сказал Иванов.

Они не удивлялись тому, что у них нет проблем с работой или с устройством на работу потому, что этих проблем никогда и не было, и только дурак-корреспондент мог приставать к приличным людям со своими вопросиками о том, что всем и так ясно. Они понимали американские проблемы, но говорили о них неохотно, потому что были людьми точного знания и не любили дилетантских разговоров. Их замечания на эту тему были коротки.

Кузнецов: Насколько я знаю, американские колледжи и институты не гарантируют работы выпускникам. Можно кончить институт и искать работу несколько лет, и можно не найти ее вообще. У нас работа после окончания вуза гарантирована.

Иванов: У нас соответствующее образование обеспечивает соответствующую работу. В Америке образование не является гарантом работы. Потому и процент безработных наиболее высок среди образованной молодежи.

В конце прошлого века в Америке вошел в моду Герберт Спенсер, своеобразный последователь Дарвина, считавший, что закон естественного отбора распространяется на человеческое общество.

Социальный дарвинизм, идеология сытых, здоровых, в высшей степени нормальных буржуа, говорил о том, что на десять деловых людей всегда найдется один бездельник, и государство не обязано давать ему то, что деловые люди выработали, выторговали (а также награбили) своим трудом и умом (а также силой и обманом). Социальный дарвинизм объявлял государственную помощь бедным и благотворительность аморальными, потому что аморально отдавать другим то, что принадлежит тебе. Социальный дарвинизм не признавал, что в нищих кварталах, где нет канализации и отопления, могут жить умные, уважающие себя люди. Ибо умные, уважающие себя люди пробьются всегда!

По железным дорогам, проложенным через гнилые болота Флориды, через выжженную пустыню Невады, паровозы тянули составы, доверху груженные зерном, и черный дым из высокой трубы отлетал назад рваными клочьями. Города строились, банки открывались, маклеры на бирже, сдвинув котелок на затылок, перебрасывая сигару из одного угла рта в другой, следили за служащим, который писал на грифельной доске новые курсы акций, и, когда Америка стала богатой, Вильям Дженнингс Брайнинг, американский политик, воскликнул, подняв руки к небу: «Вы не можете распять человека на кресте из золота!»

Эпоха процветания сменилась «Великой Депрессией», но и депрессия была на американский манер: «голодающие стояли в очередях за хлебом по колено в зерне». Перепроизводство, банкротства, падение цен, безработица, крах. Теперь, в тридцать третьем, выяснилось, что социальный дарвинизм годился только для сытых времен; число умных, уважающих себя людей, «которые пробьются всегда», довольно сильно уменьшилось, хотя и не исчезло вовсе, так как кто-то наживался и на кризисе.

Но вот страна вышла из «Великой Депрессии» и «Великой Войны»; снова настали сытые времена, и снова стало воцаряться учение гостя из Англии: социальный дарвинизм.

Сторонники этого учения в области экономики давно пришли к такому выводу: здоровье экономики — в годы тучных ли, тощих ли коров — во многом определяется тем обстоятельством, что количество рабочих рук всегда должно превышать количество рабочих мест. Таким образом, должна существовать постоянная безработица, увеличивая или уменьшая которую можно управлять производством. С точки же зрения социального дарвинизма, в безработице есть и «высокое» социальное значение: что лучше, чем безработица, поддержит дух конкуренции, дух борьбы за выживание!

Барри Голдуотер сказал во время своей предвыборной кампании в 1964 году: «...это похоже на погоню гончих за механическим зайцем. Поймать его невозможно. Поэтому всегда будет одна треть населения, живущая на уровне бедности из-за низкого уровня интеллекта или слабого стремления к цели». В контексте американской истории это звучит как ответный крик со вздетыми вверх руками: «О нет, человека можно распять на кресте из золота!»

Безработица в США не последствие кризиса, не вопрос момента, а явление, генетически присущее системе. Начиная с 1950 года число безработных в США ни разу не опускалось ниже 1 870 000 человек. Сегодня, в условиях кризиса, оно поднялось до 10 миллионов. «Эсквайр» предлагает радикальные методы решения проблемы: безработный, попав в атмосферу мистицизма, в которой происходит прием на работу, должен рассказать про трудовое детство на ферме и продемонстрировать пятку.

В этих советах немало (особенно с нашей точки зрения) юмора и иронии, но немало и серьезного. В самом деле, для тех, кто в жизненной гонке не упал на первых же метрах, крайне важно сохранить **внешне** бодрый вид, вид хотя бы потенциального **победителя.** Перефразируя Толстого, можно сказать, что все счастливые победители выглядят одинаково. Точнее говоря, одинаково, но с теми или иными допусками в зависимости от того, в какой гонке этот победитель собирается победить. «Эсквайр» предлагает фасон и стандарт для потенциального победителя в гонках молодых специалистов.

Трудно сказать, насколько помогут в этом весьма унизительном соревновании советы «Эсквайра». Быть может, это и реально — обмануть внешним видом и поведением работодателя, но нереально обмануть десятимиллионную безработицу.

Реальнее всего вот что: добавить новое унижение человеческого достоинства к тому, что еще прежде породила безработица. Об этом унижении писала Мариэтта Шагинян:

«Бесконечная человеческая очередь с котелком для супа в руках — в Америке, Лондоне, Риме, Париже, Японии... Раньше казалось: слава богу, что хоть кормят! А теперь оборачивается ужасом: нет работы, не дают работы, вымирает сущность человеческая, костенеет без выхода энергия — в руках, ногах, мускулах, в корке головного мозга, это очень страшная вещь, хуже гильотины — безработица».

▼ со стр. 2

циальный прогресс, за освобождение угнетенных наций.

Основной Закон первого в мире общенародного социалистического государства не мог не захватить умы молодежи. Ведь он дает обильный материал для сопоставления, размышлений и дебатов, показывает, что представляет собой современный развитой социализм. Зафиксированные в Конституции СССР права на труд, гарантированную работу, выбор профессии, все виды образования, отдых и охрану здоровья могут служить ориентирами в борьбе всей демократической молодежи и студенчества. Этот аспект вашей Конституции был в центре внимания Международной студенческой встречи в Кракове, посвященной 60-летию Октября, и целого ряда других семинаров и симпозиумов в честь этой даты, организованных в разных странах Международным союзом студентов, национальными студенческими организациями.

На состоявшейся в октябре в Хельсинки Международной студенческой конференции по вопросам борьбы за мир, разоружение и разрядку, а затем на XII конгрессе МСС в Софии подчеркивалась высокая гуманность Советского государства, закрепившего в Основном Законе свою приверженность делу мира и сотрудничества народов. Внешнеполитическая глава Конституции СССР дает новые аргументы антивоенным движениям на Западе, в том числе студенческим, которые требуют от своих правительств соблюдения Заключительного акта хельсинкского совещания, отказа от любых действий, нагнетающих напряженность и чреватых серьезными последствиями для безопасности народов. По сути дела, СССР стал первой в мире страной, сделавшей принципы, выработанные в Хельсинки, своей высшей государственно-правовой нормой. Можно сказать, что Конституция Советского Союза торжественно провозглашает человеческое право жить без войн.

Для студенчества капиталистических и развивающихся стран, безусловно, притягательную силу имеют те положения советского Основного Закона, которые в своей совокупности очерчивают роль молодого поколения — будущих хозяев страны. Принципиальное значение имеет статья, в которой говорится, что Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи наряду с другими общественными организациями участвует в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов. Это ли не показатель доверия, которым пользуется молодое поколение у народной власти? Известно, что треть депутатов местных Советов и Верховных Советов республик — молодые люди в возрасте до 30 лет. Советская молодежь воспринимает как само собой разумеющееся, что государство неизменно поддерживает инициативы и начинания Ленинского комсомола, студенческих и иных молодежных организаций. Практика Советского Союза ярко подтверждает, что в государстве подлинного народовластия, которое возможно только при социализме, коренные интересы молодежи и всего общества полностью совпадают.

Обратимся к практике капитализма. В начале 1977 года в 24 основных государствах системы «свободного предпринимательства» были без работы около 18 миллионов человек, из них 7 миллионов, почти 40 процентов, — люди в возрасте до 25 лет, тогда как молодежь в этих странах составляет лишь 22 процента от всего населения. Так капиталистическое общество перекладывает тяжесть кризиса на плечи молодых.

Я не буду останавливаться на положении демократического студенчества в таких обществах, которые выступают как открытые душители всяких свобод. Чили, Парагвай, Гаити, ЮАР — еще есть на земле диктатуры фашистского типа, вскормленные капитализмом. С прогрессивно настроенными студентами там не церемонятся; тюрьма, пытки, пуля — вот язык этих режимов.

Но как обстоит дело в относительно «благополучных» государствах Запада, похваляющихся своими свободами, в том числе университетскими? Франция: среди молодых безработных 100 тысяч человек имеют диплом о высшем образовании. Италия: каждый второй молодой безработный — дипломированный специалист. США: в ходу сейчас печальная шутка о том, что армия безработных — самая образованная за всю историю страны. ФРГ: «Уже сейчас работу сразу же после выпускных экзаменов находит менее половины выпускников вузов, — пишет журнал «Шпигель». — Каждый пятый ищет работу почти целый год, а 12 процентов всех выпускников ждут работы до двух лет. Согласно исследованию, проведенному министерством финансов, к 1985 году предположительно 500 тысяч выпускников высших и специальных учебных заведений останутся без работы». Такова реальность «свободного мира».

Демократическое студенчество не мирится с подобным положением. Оно борется за свои права на образование и работу в соответствии с полученной профессией. В авангарде этой борьбы идет Международный союз студентов. На организуемые под его эгидой студенческие форумы выносятся самые острые вопросы, затрагивающие все стороны быта и учебы, обсуждаются акции солидарности и помощи студентам, ставшим жертвами империалистического произвола. Ясно, что демократизация образования невозможна без демократизации самой социально-экономической системы, и потому прогрессивное студенчество все теснее координирует свое движение с действиями всех прогрессивных сил и в первую очередь рабочего класса.

В этой совместной борьбе студенты проникаются знанием проблем общества в целом, острее осознают неравенство шансов в зависимости от классовой принадлежности человека. Студент, участвовавший в демонстрации вместе с рабочими, непременно задумается над тем, почему при внешне свободном доступе в университеты выходцев из рабочих среди студентов всего 7—10 процентов.

Требование обеспечить справедливые шансы для получения высшего образования детям трудящихся классов — одно из основных в программах прогрессивных студенческих организаций капиталистических стран. Оно невыполнимо до тех пор, пока существует замаскированный имущественный ценз в виде высокой платы за обучение и мизерности стипендий. (Каким контрастом на этом фоне выглядит советская высшая школа, где дети рабочих и колхозников составляют почти 60 процентов студентов!)

Буржуазный университет, призванный воспроизводить интеллигенцию, противопоставленную трудящимся, ориентирован на систему моральных и идейно-культурных ценностей господствующего класса. Тот, кто «не подготовлен» для их усвоения или не приемлет их по принципиальным соображениям, так или иначе отторгается буржуазным университетом. На практике это отторжение может выглядеть, скажем, так, как в ФРГ и Западном Берлине, где идет «законная» травля «неблагонадежных», а ими считаются не только коммунисты, но и те, кто хотя бы несколько лет назад участвовал в демонстрациях протеста против американской агрессии во Вьетнаме.

В эпоху научно-технической революции высшая школа становится важнейшим звеном в развитии производительных сил. Победу в конечном счете одержит тот социально-экономический строй, который сумеет наиболее рационально использовать возможности НТР в интересах всего общества, обеспечить максимальное соответствие образования и уровня производительных сил, предоставив каждому члену общества самые широкие возможности для профессиональной и общеобразовательной подготовки, для всестороннего развития личности. В социалистическом обществе проблема образования решается на основе научного планирования с учетом как личных запросов и склонностей граждан, так и общегосударственных интересов. Ситуация же в странах, где господствует стихия частного предпринимательства, сплошь и рядом становится парадоксальной: острая нужда в специалистах и одновременно безработица. Типичный пример — Англия, где ходят без работы тысячи учителей, тогда как школы задыхаются без них.

Именно образование является одним из основных условий формирования гармонически развитых людей, формирования их духовных потребностей, средством выявления творческих способностей и условием их развития. Вот почему в Конституции Советского Союза, провозглашающей благородный коммунистический идеал «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», столь подробно и весомо говорится о гарантированном праве на труд, на все виды образования, на пользование достижениями культуры.

О том, как далеко вперед ушло советское общество, общество развитого социализма, от стереотипного набора проблем на Западе, можно судить по широко публиковавшимся в печати предложениям по проекту Конституции СССР. Можно ничего никогда не читать и не слышать о постановке высшего образования в Советском Союзе и все же сделать вывод о его колоссальном прогрессе только на основании дискуссии об Основном Законе. Взять хотя бы предложения дополнить статью, где говорится о праве на образование, указанием на то, что молодежь **обязана** воспользоваться этим правом. Для человека Запада подобная мысль должна показаться утопией — ведь столько молодых людей не имеют **условий** для достижения своей мечты об образовании. Обсуждая проект своего Основного Закона, советские люди исходили из качественно новых критериев, неведомых в мире капитализма. Леонид Ильич Брежнев сказал о выступлениях и письмах трудящихся в ходе обсуждения проекта Конституции, что «в них отражена огромная победа социализма — новый человек, который не отделяет себя от государства, считает интересы государственные, общенародные своим кровным делом».

Выработанная демократическим путем Конституция СССР сама стала воплощением социалистической демократии. Провозглашенные ею идеалы понятны и дороги каждому честному человеку, где бы он ни жил. Я говорю об идеалах гуманизма, справедливости, гражданственности и интернационализма, в духе которых воспитывается молодое поколение советских людей.

ГОСТИ ВСЕГДА РАДОСТЬ

Так говорят в Азербайджане, встречая у порога дорогих гостей. В октябре такими гостями радости были в республике участники Встречи дружбы советской и румынской молодежи, посвященной 60-летию Великого Октября. У этой дружбы крепкие корни и давние традиции: побратимами считают себя города Сумгаит и Питешти; товарищами и коллегами — студенты нефтяных вузов Баку и Плоешти; друзьями и единомышленниками — народы и молодежь наших стран. Эта дружба скреплена общей целью и трудом; свидетелем ее искренности и прочности стала новая Встреча советской и румынской молодежи в Баку.

Перед вами на фотографиях несколько эпизодов Встречи: торжественное открытие во Дворце имени В. И. Ленина в Баку; участники плавки дружбы на сумгаитском трубопрокатном заводе имени В. И. Ленина; студенты бакинского и бухарестского вузов.

Фото А. ФЕДОРОВА

СТУДЕНТЫ ЕВРОПЫ: ОТ ДИАЛОГА К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Р. ВИКТОРОВ

С 25 октября по 1 ноября этого года в Софии проходил XII конгресс Международного союза студентов. В центре внимания его участников были вопросы дальнейшего развития сотрудничества студенческих организаций всех стран в борьбе за мир, безопасность, демократию, социальный прогресс. Этим вопросам и посвящена публикуемая статья.

Кто читает газеты, тот знает, что сообщения о двух- или многосторонних, региональных или всемирных встречах, конференциях, семинарах, симпозиумах, конгрессах, форумах, фестивалях или кампаниях солидарности молодежи не сходят с их страниц. Вопросы труда, образования, быта, культуры, науки, социальной жизни, экономики, политики, международных отношений — вот что обсуждает на этих многочисленных встречах трудящаяся и университетская молодежь. Так что широкое и разнообразное сотрудничество молодежных и студенческих организаций стран с различным общественным строем стало непреложным фактом наших дней. Особенно горячо молодое поколение реагирует на события, затрагивающие судьбы мира на земле. Один из последних тому примеров — волна молодежных выступлений против решения Вашингтона приступить к производству нейтронной бомбы и попытаться разместить это оружие массового уничтожения в странах Западной Европы.

Путь к такому активному и постоянному сотрудничеству, за которое всегда последовательно выступали и Международный союз студентов (МСС), и его членские организации, был нелегким; руководству многих национальных студенческих союзов капиталистических стран пришлось преодолевать барьеры и политического и психологического свойства. Каких-нибудь десяток лет назад еще существовала, например, так называемая Международная студенческая конференция (МСК) — организация, которая вела свою «холодную мини-войну» против демократических объединений университетской молодежи и их авангарда, МСС. В конечном счете дело тут решил объективный фактор: возросшая социальная и политическая активность большинства студентов этих стран. Другими словами, достигнутый к нашему времени уровень международного студенческого сотрудничества — явление закономерное. Как позволяет судить пример западноевропейских студенческих союзов, развитие контактов между организациями из стран с противопо-

ложными общественными системами имело прямую связь с «политизацией» студенчества. Именно это и сделало неизбежным поражение тех, кто противился такому сотрудничеству.

Но противники сотрудничества не перевелись и сегодня. В этом нет ничего удивительного. Господствующий класс капиталистического общества одну из задач высшей школы видит в воспроизводстве «элиты», которой в свое время можно будет доверить штурвал власти. Поэтому какая-то часть студенчества (в основном дети ныне правящей «элиты») подвергается особо тщательной подготовке. Усвоению подлежат не только идеология власть имущих, но и самый стиль жизни, образ мышления, манеры будущего «лидера». Считается, что мелочей в этом деле нет. Воспитывает даже антураж.

...Вспоминаю посещение Оксфорда. Входим в столовый зал. Он пуст (время неурочное). Тишина такая, что в ушах позванивает. Огромный стол буквой П, старинные, с высокими спинками стулья. Мягкий, неназойливый свет старинных канделябров. Разложенные в идеальном порядке столовые приборы — видно, что превосходной работы. Наш гид, студент факультета политических наук, описывает обеденный ритуал оксфордских питомцев. По сигналу «тьютора» (классного наставника) все стоя возносят хвалу творцу небесному. Потом — тоже по сигналу — садятся и приступают к земной трапезе. Благопристойно, чинно. Звякнуть вилкой — «моветон». Все так, как и должно быть в кругу отпрысков увядающих аристократических кланов и наследников современных промышленных магнатов. Кажется, каждый кубический сантиметр воздуха насыщен прошлым.

А вечером мы гости в студенческом общежитии. Гремит ультрасовременная музыка. Наши хозяева, в потертых джинсах, запросто расселись на полу, застеленном мягким ковриком. Тут же незамысловатая снедь. Нам предложили по чашечке отличного глинтвейна. А как же П-образный стол, чинный молебен под строгим взглядом «тьютора»?.. Неужели наш гид присочинил? Да нет, это время берет свое, вот и получается этот странный винегрет по-оксфордски — из прошлого и настоящего.

Все это, однако, внешняя сторона дела. Важно другое — умонастроения этих молодых людей. Ведь в конце концов среди них сейчас те, кто будет определять политику своей страны на рубеже XX и XXI веков. Неудивительно, что нет на Западе ни одной политической партии, силы, движения, которые не добивались бы расположения молодежи вообще и студенческой в частности. Перед лицом динамичного, уверенного развития реального социализма, не знающего спадов, кризисов, безработицы, предоставляющего человеку невиданные при капитализме возможности для самораскрытия, буржуазия представляет собой класс, обращенный в прошлое. И это свое прошлое, свой опыт, свое мировоззрение она навязывает молодежи тем настойчивее и изощреннее, чем больше страшится за судьбу своего строя.

Но ей все с меньшим успехом удается удерживать на своей орбите даже собственных отпрысков. Жизнь не умещается в рамки прописных истин вроде той, что «яблоко от яблони недалеко падает». Социальное будущее и политические позиции современного студента Сорбонны, Лейдена, Бонна или Хельсинки уже не обязательно совпадают с материальным положением и классовыми взглядами его родителей. Среди учащихся западных университетов, колледжей и школ весьма немало таких молодых людей из «приличных» семейств, которые связывают свои представления о будущем человечества с идеалами Октября. В среде студенчества происходят и, как позволяет судить время, будут и впредь происходить значительные перемены.

Начало сотрудничеству между студенческими организациями капиталистических и социалистических стран Европы было положено в конце 50-х — начале 60-х годов. Толчком послужили наметившиеся благоприятные сдвиги в международной политической обстановке и, безусловно, существенные изменения в самой высшей школе — определенная демократизация ее социального состава за счет детей трудящихся. В университетах медленно, но верно вызревало недовольство архаическими канонами преподавания и порядков (как в «почтенном» Оксфорде), попытками отгородить студенчество от острых общественных проблем, пресловутой «аполитичностью» студенческих союзов. Одновременно — еще медленнее и осторожнее — возрастал интерес к жизни сверстников и коллег в мире иной социальной системы и иных жизненных ценностей — в социалистических странах. Противиться этим тенденциям не могли уже и студенческие лидеры, «профессионалы», чьи позиции к тому же пошатнулись после разоблачения связей Международной студенческой конференции и Национальной студенческой ассоциации США с ЦРУ.

В 1959—1960 годах начались первые контакты европейских студенческих союзов из капиталистических и социалистических стран. Первые встречи (в Париже и Варшаве), в которых приняли участие организации из семнадцати европейских стран, принадлежавшие тогда к двум объединениям — МСС и МСК, заложили основы теперь хорошо известных ежегодных Европейских студенческих встреч. Дебатировались на них главным образом проблемы профессиональные — в том смысле, в каком этот термин применим к студенчеству, то есть преподавание, учебные программы, положение студентов в университе-

«ФЕСТИВАЛЬ!» В ПЕРЕВОДЕ НА КАЖДЫЙ ЯЗЫК

Обычная стройплощадка, каких много в Гаване: временные домики для рабочих, штабеля кирпича, краны, бетономешалки. И все же это своеобразная стройка. Во-первых, хозяевами воздвигаемого здесь комплекса станут юные граждане социалистической Кубы, пионеры. Во-вторых, именно здесь разместится будущим летом один из главных центров XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И в-третьих, эта стройка молодежная, причем международная. Здесь работают две интернациональные бригады, созданные по инициативе и с помощью Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС). Эта совместная предфестивальная стройка — хороший пример сотрудничества молодежных организаций. Об этом говорят и строители из студенческой интербригады, интервью с которыми опубликованы в журнале МСС «Всемирные студенческие новости».

Элиэсер Васкес (Панама). Я изучаю общественно-политические науки, но оказалось, что мне по душе и работа, результаты которой можно, так сказать, потрогать руками. Стараюсь изо всех сил и уже освоил профессию каменщика. Чувствую себя как дома. В нашей бригаде настоящая дружба.

Аугусти Иалахана Рапатсалахи (Мадагаскар). Здесь я увидел своими глазами успехи кубинской революции и динамичное развитие республики, а это весьма поучительно и интересно для меня, для молодежи и студентов моей страны. Работа в интербригаде помогает нам лучше осознать смысл и содержание солидарности. Было бы замечательно, если бы такие же отношения, как в нашей бригаде, сложились и между всеми народами мира.

Модесто Абреу Борелль (Куба). Как кубинец, я испытываю особую радость от того, что молодые люди из разных стран помогают нам построить этот комплекс и видят достижения нашей революции.

Зденек Длеск (Чехословакия). Работа нашей бригады станет скромным, но конкретным вкладом в успех фестиваля. А потом сюда придут пионеры. Такие центры для детей хорошо бы строить по всему миру. Беззаботное счастье детей — вот что оправдывает любые усилия.

Киеран Фурей (Ирландия). По соседству со стройкой находится известная всей Кубе школа имени В. И. Ленина, мы подружились с ее учениками. Меня очень заинтересовала система образования на Кубе. Перед отъездом сюда я получил диплом экономиста, а быть непосредственным свидетелем строительства социализма, процесса непростого, но впечатляющего, по-моему, это как второй диплом. Идея интербригад превосходна. Они важны не столько с точки зрения экономики, сколько для воспитания характеров, формирования личности. В эпоху разрядки и мирного сосуществования такие бригады — один из лучших способов развивать взаимное понимание и дружбу между студентами с разных континентов, из разных стран — капиталистических и социалистических, развитых и развивающихся. Одним словом, я полюбил эту стройку.

тах, туризм, деятельность клубов и т. п. Но даже по этим «неполитическим» вопросам найти общий язык было непросто. И все же те первые встречи положили начало, пусть еще маленькому, ручейку сотрудничества, который питали вполне земные, реальные и живительные источники — интерес к общению и взаимопониманию.

Этот интерес со стороны широких студенческих масс рос тем быстрее, чем интенсивнее западноевропейская высшая школа пополнялась (под давлением требований научно-технической революции) выходцами из «низших классов», чье будущее отнюдь не было предопределено так ясно, как у знатных питомцев Оксфорда, Кембриджа или Гарварда. Но одновременно происходил и другой процесс — все более жестокое подчинение высшей школы интересам монополий. Это противоречие должно было привести к взрыву. И он произошел в конце 60-х годов.

Умонастроения западноевропейского студенчества, стремившегося выработать собственный взгляд на мир, начали меняться раньше. Меняться в неожиданном для официальных буржуазных идеологов направлении. Например, в Англии новые курсы лекций по общественным наукам, введенные с расширением высшей школы, были нацелены, как писал молодой английский исследователь студенческих проблем Робин Блэкберн, на «подавление самой идеи о возможности отдать предпочтение иному варианту политического строя», нежели капиталистический. Но анафемы по адресу социализма лишь подтолкнули студентов к размышлениям. Знакомясь с интересными и компанейскими коллегами из стран с иным социальным строем, они узнавали, что ценности этого строя далеко не так несимпатичны, как их уверяют с профессорской кафедры.

Эти новые настроения, которые социологи определили как «политизацию» студенчества, не могли не отразиться на содержании Европейских студенческих встреч. С 1966 года их участники стали расширять круг обсуждаемых вопросов, выдвигая на главное место темы политического характера. На VII Европейской студенческой встрече в Хельсинки в 1966 году речь уже шла о роли студентов в улучшении политической обстановки на нашем континенте. Эта встреча положила начало координации действий студентов по наиболее острым проблемам современности, — таким, как солидарность с борьбой народов Индокитая, а также Испании, Португалии и Греции, где в то время у власти были диктаторские режимы, содействие борьбе народов за национальное освобождение, борьба за демократизацию и реформу образования.

О студенческих выступлениях конца 60-х годов в Западной Германии, Франции, США, Японии написаны десятки книг, статей и брошюр. Своеобразная болезнь «левизны» в студенческом движении тех лет не прошла бесследно. Хотя в последующие годы большинство учащейся молодежи западноевропейских стран перешло к более реалистическим действиям в борьбе за свои права, «леворадикальный» уклон оставил множество групп, группок, «организаций», лозунги которых представляют смесь маоизма, анархизма и троцкизма. В связи с этим оживились надежды правых сил в студенческом движении на восстановление своих позиций и возвращение, хотя бы частичное, к расколу прошлых лет. Не прекращаются и попытки гальванизировать на студенческом уровне разного рода антисоветские лозунги.

Но при всей сложности и пестроте политических оттенков студенческих союзов есть цели и задачи, которые все большим числом студентов Европы ставятся выше расхождений во взглядах и идеологических позициях. Это вопросы самого физического существования того будущего, представления о котором расходятся. Может быть, этим и объяснялось, что юбилейная X Европейская студенческая встреча в Хельсинки приняла документ (за который проголосовали все делегации), действительно отражавший новую степень понимания места и роли учащейся молодежи в развитии широкого мирного сотрудничества народов. Интересно, что при всей полярности позиций некоторых союзов участники X встречи, подводя итог бурным 60-м годам, единодушно осудили концепции студенческого авангардизма и подчеркнули необходимость увязывать студенческие выступления с действиями других прогрессивных сил.

Разумеется, в студенческой среде Запада действуют и проимпериалистические силы, которые более всего тревожит тяга молодежи к вопросам «большой политики». Поэтому они стараются принизить значение Европейских студенческих встреч, заявляя, что встречи «слишком формальны» и далеки от повседневных интересов студента. При этом ссылаются на ту прослойку учащихся, которая еще инертна в политическом отношении. Вот, например, что говорил один из таких консервативных студенческих деятелей, швед Карл Билд: «Развитие международного сотрудничества студентов за последние годы создало для СФС (Национального союза студентов Швеции. — Авт.) ряд проблем. Для дискуссий по проблемам профессионального сотрудничества не осталось места, потому что коммунистические государства и МСС назойливо пытаются играть первую скрипку». Карл Билд верен себе и своим хозяевам: проимпериалистические силы в студенческом движении всегда пытались сузить рамки студенческой активности до проблем чисто корпоративных, законсервировать то самое студенческое обывательство, которому начал приходить конец в наши бурные годы значительных общественных и политических перемен. Тот факт, что в повестке дня каждой из теперь уже четырнадцати Европейских студенческих встреч обязательно были и проблемы «чисто студенческой» жизни — реформы образования, студенческий досуг, обеспечение работой по окончании университета, — это, по Билду, «не то». Почему? Потому что в дискуссиях по этим проблемам все громче звучит голос социально повзрослевшего студенчества, знающего истинные причины нехватки средств на образование, понимающего, что куцые реформы нацелены на подготовку в «массовой» высшей школе интеллектуального пролетариата, а в особой «элитарной» школе — преемников современных магнатов капиталистического Запада.

И в наше время — время разрядки международной напряженности и потепления политического климата — политическое сотрудничество разнородных молодежных сил, несмотря на то, что все больше молодых людей Запада освобождается от «атлантических» и иных шор «холодной войны», остается делом непростым. Оно отнюдь не сводится только к одному или двум коммюнике, подписанным руководителями студенческих организаций. Важно, чтобы хорошие намерения не оставались на бумаге.

На протяжении почти десяти лет, например, студенческие организации Московского государственного университета предлагали своим коллегам из Лондона установить прямые связи. В этом году встреча наконец состоялась. Теперь дело за тем, чтобы о ней и ее результатах... узнали студенты Лондонского университета.

Европейское студенческое сотрудничество отражает в себе всю гамму сложной (не стоит ее упрощать) борьбы внутри национальных студенческих движений западноевропейских стран.

На XIII и XIV Европейских студенческих встречах, состоявшихся в 1975 и 1976 годах в Бухаресте и Никозии, из 24 европейских национальных студенческих союзов присутствовал двадцать один. Участники высоко оценили результаты Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, подписание в 1975 году Заключительного акта в Хельсинки. Большинству студентов Европы ясно, что последовательное выполнение положений Заключительного акта — это единственно возможная гарантия мирного будущего. Однако в дискуссиях по острым вопросам современного политического развития Европы, да и не только Европы, дают еще себя знать отголоски студенческой «ультралевизны» 60-х годов. Например, кое-кто из руководителей скандинавских студенческих союзов договаривается до утверждений, что разрядка-де означает сохранение социального статус-кво в западноевропейских странах и препятствует развитию демократических и антиимпериалистических движений.

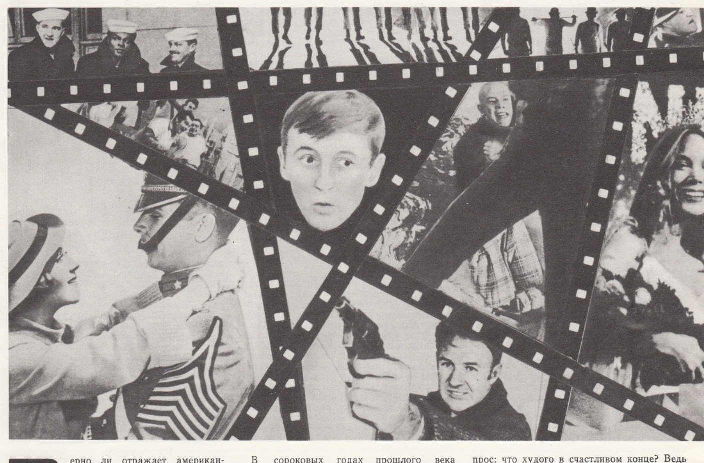
С иных позиций, но с той же целью принизить значение хельсинкских соглашений действуют правые. Они пытаются перестроить свои ряды, помешать развитию нормального сотрудничества студентов и студенческих организаций западноевропейских и социалистических стран, воспрепятствовать тенденциям к союзу студенчества с прогрессивными силами, и прежде всего с рабочим классом, а тем самым отыскать возможность проведения своей прежней политики. Любопытно, что, приспосабливаясь к новой обстановке, студенческий правый фланг — Европейский союз консервативных студентов — решил не так давно переименовать себя в «Союз студентов за демократическую Европу». Никуда не денешься, поизносились старые одежды.

Но как ни стараются ультралевые или ультраправые помешать развитию нормального сотрудничества студентов континента, инициатива уже давно не в их руках. Еще одним ярким тому свидетельством стал XII конгресс МСС, в работе которого приняли участие более ста национальных организаций студентов и молодежи, национально-освободительных движений, представляющих широкий политический спектр.

Сейчас европейские студенческие организации готовятся к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване. Эта подготовка не просто декларации, заявления и встречи. Речь идет о единых действиях всех передовых сил молодежи и студентов за мир и социальный прогресс, о том, чтобы сделать необратимыми изменения международного политического климата, ставшие возможными благодаря новому соотношению сил в мире и настойчивой, последовательной политике нашей страны, всего социалистического содружества. Необратим и сам процесс осознания этих изменений теми, для кого сегодняшний мир — стартовая площадка в будущее.

ОТ ФАЛЬШИВОГО ОПТИМИЗМА К ФАЛЬШИВОМУ ПЕССИМИЗМУ

Джон САЙМОН, американский кинокритик

Верно ли отражает американское кино то общество, в котором мы живем? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно хотя бы ненадолго оглянуться назад. С момента, когда кинематограф заговорил (и начал, с моей точки зрения, превращаться в зрелый вид искусства), и вплоть до шестидесятых годов американское кино представляло собой гигантскую фабрику грез. Самообольщение, самодовольство, ограниченность — вот наиболее характерные его черты. За очень редкими исключениями, оно не имело ничего общего с истиной или искусством.

В сороковых годах прошлого века Алексис де Токвиль[1] писал: «Большинство живет в атмосфере самовосхваления, и есть некоторые истины, о существовании которых американцы могут узнать только от иностранцев либо из опыта».

В американских фильмах тридцатых, сороковых, пятидесятых годов господствовал счастливый конец, явление настолько типичное, что в ряд европейских языков вошел даже неологизм — «хэппи-энд». Хэппи-энд означал счастливую развязку запутанных интриг и неразрешимых проблем; в последнем кадре героиня, наплевав на все законы правдоподобия, падала в объятия героя, и с этого момента, как подразумевалось, они жили долго и счастливо.

Трудно сказать, кто из зрителей был более невежествен — тот ли, кто верил, что в жизни так и бывает, и хвалил картину, либо тот, кто в это не верил, но все равно хвалил картину. Но, может быть, хэппи-энд был просто-напросто данью традиции, и, исключая последние кадры, фильмы изображали американскую жизнь более или менее объективно? Увы, опять же за редкими исключениями, в начале и середине фильма нам преподносили такую же сентиментальную дребедень, что и в конце.

Однако, прежде чем продолжать наши рассуждения, мы должны ответить на вопрос: что худого в счастливом конце? Ведь и в жизни люди влюбляются, женятся и иногда даже не доходят до развода? Конечно, все это так, но вся штука в том, что акценты в фильмах были расставлены фальшиво. Голливудский хэппи-энд — и в этом его главная фальшь — всегда подразумевал, что раз «проблема» решена — война кончена, семья воссоединилась, недоразумения выяснены, денег прибавилось, то финальный поцелуй возвещает безоблачное на века будущее. Хэппи-энды фактически дискредитировали даже те фильмы, в которых неприятные истины были выражены, казалось бы, достоверно. Типичный слу-

[1] *Алексис де Токвиль (1805—1859) — французский историк и политический деятель, автор книги «О демократии в Америке», принесшей ему широкую известность. — Примеч. ред.*

чай — фильм Билли Уайлдера[1] «Потерянный уик-энд», с абсолютно неубедительной финальной сценой перерождения героя-алкоголика.

Ближе всего к честному изображению нашего образа жизни подошли некоторые комедии. Так, например, фильм Джозефа Манкевича «Все о Еве» вместо хэппи-энда заканчивается зловещей нотой (вы могли видеть его на наших экранах. — **Примеч. ред.**). Однако для всех зрителей, кроме наиболее чутких, предупреждение теряется в чаду веселья и завидной роскоши.

Казенный оптимизм в сочетании с пуританским духом создал некий «моральный кодекс» нашей кинематографии: любые мало-мальски неприглядные аспекты повседневной жизни аккуратно вырезались из картин, своего рода официальная благопристойность упорно внедрялась в сознание американцев, невзирая на политические скандалы и такие позорные события, как процесс Сакко и Ванцетти. Официально не существовало ни антисемитизма, ни черных гетто, ни дискриминации негров. Правда, в фильме «Гроздья гнева» показана жесточайшая нищета, но и здесь режиссер и сценарист вынуждены были заменить апокалипсическую катастрофу, которой заканчивается роман Стейнбека.

Одним словом, фильмы тех лет если и не создавали отмеченную Токвилем «атмосферу неустанного самовосхваления», то и не отражали истинную картину состояния общества. В целом они показывали общество таким, каким оно хотело себя видеть, а точнее, каким его хотели видеть хозяева киностудий.

Таков был укоренившийся в кинематографе взгляд на американскую жизнь, который впервые пошатнули фильмы шестидесятых годов, а фильмы семидесятых пробили в нем широкие бреши. Американские кинематографисты, вновь говоря словами Токвиля, начали учиться у иностранцев — крупнейших европейских, а позднее японских режиссеров, а также отталкиваться от опыта своей страны. Жестокой реальности Вьетнама и Уотергейта почти хватило на то, чтобы лишить американцев необоснованного чувства безопасности и искренней наивности. Был и другой опыт: расовые беспорядки, политические убийства, новые кризисы в экономике и внешней политике. Доллар более не царил в мире, окрик Пентагона или Белого дома не мог более заставить иностранные правительства покориться или пасть. Американцы реагировали на новые попытки интервенции США за рубежом уже не криками «ура», а кошачьими концертами.

Средний американец взрослел благодаря страданиям. Кино, разумеется, отражало перемены. Будучи в основном популярным, а не элитарным видом искусства, оно не могло позволить себе потерять контакт с надеждами и страхами, нуждами и чувствами зрителей. Если страна переживала жестокое пробуждение, фильмы так или иначе должны были его отразить.

Вопрос в том, как отразить? В кино жестокое пробуждение стало чрезмерной, неразборчивой, грубой жестокостью. Фильмы отражали скорее импульсы, чем идеи, скорее следствия, чем причины или хотя бы достоверные наблюдения. По стране прокатилась волна ужасных и не всегда раскрытых политических убийств. И вот на нас обрушился поток фильмов с террористами под каждой кроватью и заговорами за дверьми каждого внешне респектабельного делового предприятия. В таком фильме, как «Разговор», предполагается, что страна разделена на два лагеря — подслушивающих и подслушиваемых. К тому же те, за которыми шпионят, ухитряются злонамеренно манипулировать одураченными шпионами.

Да, теперь и мы получили свою долю крупных военных, политических и социальных катастроф. Но художественных фильмов, посвященных самому сильному потрясению — Вьетнаму, — что-то не видать, а негритянская проблема чаще всего трактуется до нелепости примитивно. Зато взамен мы получили такие «катастрофические сюжеты», как «Приключение Посейдона», «Аэропорт-75», «Джаггернаут», «Землетрясение» и другие. В них катастрофы не грозят никакими неприятными для зрителя последствиями — все это, быть может, и ужасно, но нации в целом, не говоря уж, боже избави, о нас самих, такие вещи коснуться не могут. Даже и в том маловероятном случае, если нам не повезет, нужно только держаться так, как герои Пола Ньюмена и Стива Маккуина, и все кончится хорошо — для нас, по крайней мере.

Более интересны (с социологической точки зрения — искусства мы здесь не касаемся) фильмы, которые я назвал бы неофашистскими. В недавнее время они буквально затопили кровью наши экраны. Конечно, в американских фильмах всегда было много насилия, но то было насилие упрощенное, невсамделишное, так сказать. С одной стороны, действовали «хорошие парни» — ковбои, полисмены, «джи-ай», федеральные агенты и т. п. — короче говоря, «наши», а с другой — «скверные парни»: индейцы, гангстеры, фрицы, япошки, коммунисты, отечественные и иностранные, короче говоря, «ихние». Когда в первой половине фильма «нашим» не везло, это было, конечно, печально, но потери по «моральному кодексу» кинематографа были не такими уж большими. Зато в конце, когда «наши» уничтожали всех «ихних», это было грубо, но справедливо.

Доброе старое время? Вовсе нет — лживое и подлое, тупое старое время, бессмысленное и оглупляющее, буржуазно-реакционное старое время, которое увековечивало среди прочего расизм, ксенофобию и идиотскую веру в американское превосходство и непогрешимость. Заметим в скобках, что старая кинематографическая бесчестность вовсе не умерла — она процветает, проживая по новому адресу — на телевидении. Но сегодня в кино мы видим нечто еще более безобразное и кровавое. Можно отметить лишь одно сомнительное преимущество: «праведное насилие» смешано теперь с изрядной дозой самобичевания. В сегодняшних фильмах американцы — такие же кровожадные звери, как и все прочие, даже хуже.

Чисто количественный рост «нового насилия» и «новой сексуальности» — не самая характерная черта фильмов последнего времени. Правда, колоссальная эскалация насилия может притупить чувствительность зрителя к жестокости и боли. Но возможно и то, что у людей, способных к размышлению, пресыщение насилием вызовет в конце концов скуку и отвращение. Тревожнее другое — неофашистская идеология, скрытая за насилием. Насаждается идея о том, что порядок можно установить только террором.

Существует и более хитроумный подход. Идея таких фильмов, как «Грязный Гарри», «Жажда смерти», «Соломенные псы», состоит в том, что мощь закона и порядка подорвана слюнявым либерализмом и неуместным гуманизмом. Только когда герой понимает, что гады — это гады, годные только для сиюминутного истребления, начинает утверждаться добро. Это своеобразный фашизм снобов, фашизм изощренный, эксплуатирующий раздражение и ожесточение, характерные для нашего времени. Терпимость и колебания преступны. Каждый — сам и судья и палач.

Наряду с этим наблюдается и примитивное заигрывание с народом — фашизм для масс. На высоких постах царит откровенная коррупция, система прогнила — в этом корень зла. Фашиствующий герой не принадлежит к привилегированному классу, в отличие от героев «Жажды смерти» и «Соломенных псов». Это простой парень, которого выбирают шерифом, либо загадочный, отверженный полуиндеец, помогающий обездоленным. Независимо от типа неофашистского фильма герой обязан драться в одиночку, поскольку даже большинство «наших» — за исключением, может быть, индейцев, школьников да какой-нибудь шлюхи с золотым сердцем — насквозь прогнили. В тех редких случаях, когда герой терпит поражение, он тянет за собой в могилу не меньше половины злодеев.

Неофашистские фильмы, по мысли их создателей, должны вызывать у аудитории болезненное любопытство, злобное сопереживание. Зрителям внушается мысль о том, что в этом чудовищно жестоком мире освобождение и удовлетворение приходят, лишь когда вы избиваете и убиваете врагов, когда вы сами устанавливаете закон и становитесь суперменом. В прошлом силы добра выступали против зла, хотя добро нередко было представлено одиноким героем. Теперь Я выступает против всех остальных — «ихних» и «наших», всех и каждого. Через кровопролитие слабость, убеждают нас, внезапно может стать могуществом. Появились фильмы, в которых царствует необоримый мрак, фильмы скорее мазохистские, чем садистские. Старые фильмы торговали идиотским оптимизмом — эти торгуют примитивным пораженчеством. Фильм за фильмом — «Французский связной», «Серпико», «Чайнатаун» — утверждают, что победителей нет, что в конечном счете остаются только проигравшие. Первым шагом в этой переоценке ценностей были фильмы о добрых нацистах, о милейших наркоманах и торговцах наркотиками. Затем появились хорошая мафия и хорошие развратники, и, напротив, союзники в борьбе с нацизмом показывались глупыми и кровожадными.

Итак, старые ценности подорваны. Мы готовы к принятию новой «ценности» — тотального, безнадежного отчаяния. Перед нами новая банальность — заранее запланированная несчастливая концовка. Эти фантазии предназначены для деморализованных и бессильных, жаждущих самооправдания зрителей наших дней.

Что сказать о политической и социальной честности новых фильмов? Неприятные истины в них по-прежнему замалчиваются. Правдивые по своему замыслу картины либо выхолащиваются в ходе съемки, либо вовсе не доходят до экрана. Сидней Поллак сделал честный и сильный фильм «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Но в нем речь идет о США времен «Великой Депрессии». Как будто нищета и голод, превращавшие людей в марионеток, не существуют в наши дни. По крайней мере, так, по-видимому, дума-

[1] *Билли Уайлдер — известный американский режиссер, чье творчество знакомо нам по фильмам «Лучшие годы нашей жизни», «Квартира», «Некоторые любят погорячее» и другим. — Примеч. ред.*

ли те, кто допустил выход этого фильма. Но когда тот же Поллак снял фильм «Какими мы были», посвященный в числе всего прочего маккартизму, мы не увидели эпизода «охоты на ведьм» в конгрессе: тема еще чересчур болезненна.

Более резко взята политическая тема в «Кандидате», довольно приличном фильме, где показывается, насколько сомнительными и порочными путями добивается кресла в сенате (и не только в сенате) человек, которого все считают честным и порядочным. Но политическая коррупция, вскрытая в фильме, показалась нам детской игрой рядом с уотергейтским скандалом. Быть может, не случайно актер Роберт Редфорд играл в только что упомянутых фильмах и в фильме об Уотергейте (правда, не о том, что этот скандал означает на самом деле, а лишь о том, как он выплыл наружу). Похоже, что судьба политических фильмов в США зависит от того, поддерживает ли кинозвезда своей славой выраженные в нем идеи. По крайней мере, если говорить о противоположной стороне политического спектра, таким фильмом, как «Зеленые береты», мы обязаны, несомненно, крайне правому экстремизму актера Джона Уэйна. (Этот фильм изображает агрессию США во Вьетнаме как некую освободительную миссию.)

Важнейшим политическим событием последнего десятилетия была, конечно, война во Вьетнаме. Однако, как мы уже говорили, художественных фильмов об этой войне не существует. Правда, в нескольких очень слабых картинах есть сцены, связанные с Вьетнамом, введенные, вероятно, с той же целью, с какой неуместная любовная сцена вводится в серый коммерческий фильм. Заметим, что вторая мировая война, напротив, стала неисчерпаемой темой для кинематографа, но ведь тогда мы сражались за правое дело.

За все эти годы был только один стоящий американский фильм, откровенно показывающий крупные политические события современности и критикующий методы руководства страной. Я говорю о фильме Хаскелла Уэкслера «Медиум кул».

Фоном для него служат политические и социальные события 1968 года. Трагическая любовь молодой учительницы из провинции и оператора кинохроники разворачивается на фоне молодежных и расовых волнений, сопровождавших чикагский съезд демократической партии. Фирма «Парамаунт» неустанно боролась с Уэкслером, требуя бесчисленных купюр. В нескольких случаях режиссер капитулировал, но в большинстве других держался стойко. Характерно, что после выхода фильма на экран репутация Уэкслера, одного из самых уважаемых в прошлом режиссеров Голливуда, была окончательно подорвана. Киностолица США оказалась настолько реакционной, что, когда Уэкслер в качестве оператора снял следующий фильм «Американ граффити», его фамилия появилась в титрах лишь среди вспомогательного персонала.

Остается упомянуть о фильмах, затрагивающих социальные проблемы, фильмах, которые могли бы откровенно показать нам, как мы живем, показать, как мы должны или не должны жить. Но здесь нас ожидают одни разочарования. Родился, правда, своего рода жанр в современной кинематографии, посвященный такому острому социальному явлению, как студенческие волнения конца шестидесятых годов. Но большинство фильмов в этом жанре сделали из важной темы подслащенную, тривиальную или сенсационную стряпню. Авторы «Активиста» пригласили даже юношу и девушку из колледжа, которые должны были играть самих себя, и, хотя реальные переживания влюбленной пары показаны на экране довольно верно, получилась картина, мало чем отличающаяся от стандартной любовной истории.

Единственной серьезной и убедительной попыткой показать проблемы американского общества был фильм Теренса Маллика «Бедленд». Маллик мастерски показал, как типично буржуазные правила приличия могут сочетаться с убийственной жестокостью, сентиментальность — с аморальностью. Насколько патетичным и даже внешне симпатичным может выглядеть то, что по своей сути чудовищно! Хотя в этом фильме общество и не осуждается прямо, он заставляет нас не только ужасаться последствиями, но и думать о причинах. Однако, несмотря на благоприятные отзывы, фильм не имел кассового успеха.

Итак, спросим себя еще раз: правдиво ли отражает американская кинематография общество, в котором мы живем? Если говорить о действительно серьезном подходе к трудным проблемам, с которыми мы сталкиваемся, о недостатках общества, которое мы создали и которое, в свою очередь, формирует нас, ответ будет: «Нет». Но если говорить о предмете мечтаний, о примитивных эксцессах, о грубом фарсе и вульгарной мелодраме, придется ответить: «Да». Да, если вы имеете в виду все еще инфантильную кинематографию, отражающую общество, которое культивирует инфантилизм.

Перевел с английского Б. ВЕРПАХОВСКИЙ

Американское кино — зеркало, в котором отражается лик общества. Но оно показывает не только, каково общество, но и каково само зеркало и отчего в определенных ситуациях для отражения той или иной общественной темы заимствуется реквизит из королевства кривых зеркал. Еще Гудини, известный фокусник начала века, знал, что могут сделать специальным образом расставленные за кулисами зеркала.

Если говорить о главном «фокусе» коммерческого кинематографа США, то им было и в наше время остается бегство от реальности или такая «обработка» этой реальности жизни, которая укладывалась бы в старую схему Голливуда «отвлечения и развлечения зрителя». Взять хотя бы поток фильмов с «катастрофическими сюжетами». «Главная причина популярности этих фильмов заключается в том, что зритель сталкивается с большинством проблем до прихода в кино. Глядя на страдания других, он находит выход своим собственным страхам. Все они — продовольственный и энергетический кризис, инфляция и безработица — становятся менее значительными, если сравнить их с землетрясениями, в которых погибают тысячи людей». Таким наблюдением поделился недавно отнюдь не какой-нибудь «красный» критик, а журнал «Тайм», не жалующий даже «розовых». А почему он так выступил? Да все по той же причине: состояние искусства вольно или невольно отражает состояние общества, его духа, даже если искусство это отражает общество в искаженном свете.

Было бы странным отрицать, что в США сегодня есть группа выдающихся мастеров кино. Имена Джека Николсона, Роберта де Ниро, Дастина Хоффмана и некоторые другие могут украсить список любого национального кинематографа. Об этом, к сожалению, ни словом не обмолвился Джон Саймон, как и о том, что играют эти актеры в основном в фильмах, верных демократическим традициям — о них американский критик почему-то умолчал. И здесь нельзя не упомянуть о новом направлении в американском кино, представляемом так называемыми «независимыми» кинорежиссерами, такими, как Коппола, Рафельсон, Скорсезе и другие. Правда, более или менее независимы они лишь изначально, на стадии изготовления фильма. Когда же дело доходит до проката, режиссер и продюсер вынуждены снова обращаться все к тем же владельцам проката — «большой девятке», по существу, контролирующей весь прокат. Так, в частности, было и с «Разговором» Ф. Копполы — великолепным фильмом об опутанной проводами недоверия, ненависти и шпионажа Америке. Примечательно, что, несмотря на социальную важность темы и на Гран-При 1974 года, полученный в Каннах, фильм этот не был принят в систему проката крупных монополий и вскоре сошел с экрана. Вот и вся независимость.

Дж. Саймон, несомненно, прав, справедливо критикуя американский коммерческий «хэппиэндовый» кинематограф; можно согласиться и с некоторыми его оценками кинематографа последних лет, и все же здесь он, как мне кажется, излишне предвзят. Фальшивый пессимизм? Не думаю. В обществе, где процветает коррупция и попираются важнейшие социальные права, где почти 10 миллионов людей лишены работы, — я бы спросил, не слишком ли даже оптимистичны те ленты, которые Саймон обвиняет в пессимизме.

Конечно, раскрытие социальных проблем во многих даже демократических фильмах осуществляется порой по-американски наивно. Все решает один здоровый парень, кулак сильного или два пистолета слабого. Но прав ли Саймон, объясняя это «неофашизмом» создателей подобных лент? О чем, собственно, эти фильмы? О солдатах, вернувшихся из Вьетнама, которые умеют хорошо делать только одно — убивать. Пока они этим занимались в Юго-Восточной Азии ради барышей военно-промышленного комплекса, жизнь дома, в США, шла своим чередом. Они вернулись, и теперь никому не нужны. Утрата человеческого, понесенная ими во Вьетнаме, — невосполнима. И эта духовная опустошенность, неверие ни в себя, ни в людей толкают их к насилию. В таком подходе к решению больных проблем, как общественных, так и личных, конечно, есть определенная опасность, но квалифицировать ее как неофашизм все же нельзя.

Современный американский кинематограф — явление очень интересное и весьма противоречивое. Как органическая часть американской промышленности, он подвержен всем порокам стихийного рынка и более чем зависим от него. Но важно подчеркнуть, что он уже не может обходить наболевшие социальные проблемы. И это хорошо понимают дельцы от кинобизнеса. Запеленговав повышенный интерес американского зрителя к вопросам общественно-политическим, интерес, пробужденный социальными сдвигами и событиями 60—70-х годов, они не прочь заработать на нем. Стали встречаться фильмы, целиком посвященные социальным проблемам, хотя часто они бывают вкраплены, так сказать, для аромата в откровенно коммерческие поделки, что придает лентам мнимую многозначительность.

Важно тем не менее то, что в США продолжают развиваться демократические тенденции в кино, последним примером чему явился прекрасный фильм Ритта «Подставное лицо» об эпохе маккартизма в Голливуде, пользовавшийся заслуженным успехом на X Международном фестивале в Москве.

Т. ГОЛЕНПОЛЬСКИЙ

ТРИ КНИГИ, ТРИ ЖИЗНИ, ТРИ СМЕРТИ

Никита **РАЗГОВОРОВ**

Стали бы они друзьями, если бы когда-нибудь встретились? Поль и Даниель, может быть, да. Томас вряд ли бы примкнул к ним «третьим мушкетером». Студент ветеринарного училища, подающий большие надежды боксер-любитель, он и на ринге жизни действует один, полагаясь только на самого себя. Не исключено и то, что Даниель вскоре бы отошел от Поля: он еще так далек от «политики», а Поль все время только о ней говорит и думает. Очень не схожи между собой эти трое молодых французов, понастоящему общее у них только одно: все трое — герои книг, вышедших во Франции в 1976 году и ставших бестселлерами; всем троим нет и двадцати, и все трое трагически гибнут на последних страницах.

Неужели во Франции так много молодых людей умирает в столь раннем возрасте? Вот первый вопрос, который может задать читатель. Пусть не забывает он в таком случае, что речь идет о литературных героях, а им часто свойственно умирать молодыми, это своего рода закон, который можно подтвердить, привлекая в качестве примеров самые разные произведения. Когда автор пишет об острых болезнях своего времени, он, естественно, показывает, что их жертвами в первую очередь падают те, кто только лишь начинает делать самостоятельные шаги в жизни, с особенной незащищенностью и душевной обнаженностью воспринимая каждый удар. В таких «историях болезни» со времен Древней Греции запечатлеваются «болезни истории».

Казалось бы, Томас Лафорж, герой романа Ги Лягорса «Не плачь», получившего одну из наиболее значительных литературных премий — «Домов прессы», — вообще живет, если можно так выразиться, не снимая боксерских перчаток. Уж он-то должен был выстоять. Более того, он сам не раз наносил удары своим сверстникам, которые осмеливались нарушить «священные права частной собственности». Сын преподавателя парижского лицея, он вместе со своим младшим братом Марком, от имени которого ведется рассказ, проводит летние каникулы на обширной ферме деда на юге Франции. Четверо студентов на залатанной машине позволили себе без спроса проникнуть в эти владения и разбили лагерь на берегу реки. Решивший их наказать Томас обливает машину бензином и поджигает ее.

Осенью в Париже Томас и Марк случайно присутствуют при разгоне студенческой демонстрации на бульваре Сен-Жермен. Полиция. Дубинки. Слезоточивые гранаты. Среди демонстрантов — Жерар, один из студентов, «наказанных» Томасом. Он узнает обидчика, в короткой схватке от удара Жерара поскользнувшийся Томас падает и попадает под полицейский автобус. Перелом позвоночника. Неизлечимый паралич нижней части тела. Томас, само воплощение «силы», не может смириться с постигшим его несчастьем; в палате больницы при тайном содействии Марка он принимает таблетки с ядом. «Все это вполне естественно, — говорит он младшему брату при последнем свидании, — мы с тобой не должны делать из этого особенной истории, как сделали бы другие. Но другие... что такое другие? Абсолютное ничто».

Держа в памяти это «духовное завещание» брата, Марк примеряет дома спортивные доспехи Томаса. Они ему уже почти впору. Совсем немного, и он

унаследует не только доспехи брата, но и его общий взгляд на мир и людей. Вряд ли на Марка сможет оказать влияние сестра Алис, как-то сгоряча назвавшая Томаса «фашистом». К тому же она ведь почти сразу же и извинилась, понимая, что это политический термин, а ее старший брат далек от всякой политики. Однако не прав ли Жерар, когда он говорит Марку: «Запомни раз и навсегда: все занимаются политикой. И все время. И в особенности, может быть, именно тогда, когда говорят, что ею не занимаются. Ты увидишь».

Этот разговор происходит вскоре после того, как Томас отказывается, несмотря на настойчивые требования полиции, от очной ставки, на которой он мог бы опознать Жерара. «Вы не хотите понять, — объясняет он полицейскому комиссару, — во мне нет и на полфранка великодушия. Тип, о котором идет речь, ударил меня по лицу. И это все. Действительно все. Он не хотел ничего другого. У него были свои основания, как и у тех, кто бил меня, когда я начинал в боксе. Если бы ваша машина выскочила на две секунды раньше или позже, то ничего бы не произошло... А теперь уходите. Считайте, что я умер. Почти что так и есть... Я не участвую больше в матче. Все кончено».

Верность законам ринга? Внешне это выглядит именно так, но вместе с тем это и последние попытки не признать поражения, уход в «глухую защиту».

Отец Томаса не теряет надежды. «Во Франции тысячи инвалидов, подобных Томасу, — говорит он. — Очень многим удается вновь вернуть себе подлинное счастье жить. И именно потому, что Томас — спортсмен, потому, что у него есть вкус к борьбе, он лучше, чем кто-либо другой, вооружен, чтобы бороться за себя».

Но у Томаса нет никакого морального оружия для такой борьбы: трагедия его в том, что он способен бороться лишь «против», но не умеет бороться «за», из окружающего его мира он впитал в себя лишь почти физическую потребность к насилию и агрессии, как средству и самообороны и самоутверждения. Он считал, что всегда сможет сам защитить себя и дедовскую ферму. Один. Своими руками. Ну а если бы широкое наступление пошло на само право частной собственности? И бороться надо было бы не на берегу речки, а на великом водоразделе имущих и неимущих, эксплуататоров и эксплуатируемых? А ведь борьба идет. «Стоило ему меня выдать, — говорит Жерар Марку, — и полиция упрятала бы меня в тюрьму на долгие годы. И не с политическими, а с уголовниками...» На этом ринге свои законы.

Томас не фашист, но в нем есть зачатки «зверя», в том смысле этого слова, который придает ему французский писатель Рене-Виктор Пиле, именно так назвавший свою книгу. Его предыдущий роман в 1975 году долгие месяцы возглавлял списки наиболее читаемых книг, но Пиле сказал в заключение одного интервью: «Я думаю, что «Зверь» наделает больше шуму, чем «Проклинающий». Я хочу сказать, что хотя споров будет меньше, но они будут ожесточеннее. Может быть, мне набьют морду». На чем основано было это опасение, выраженное в столь резкой форме?

История эта такова, что при несколько ином стечении обстоятельств все могло бы закончиться несколькими строками газетной заметки в разделе происшествий. Репортер мог бы сообщить, что возле одной из шахт у подножия Пиренеев, в департаменте Арьеж, обнаружен труп молодого француза, студента Тулузского университета Поля Пужаля-Арно, уроженца расположенного неподалеку селения Орвэ. Юноша пал жертвой медведя, которые в весенние месяцы еще иногда спускаются с гор. Изуродованный когтями труп несет на себе следы трагической и неравной борьбы.

Именно это знают те, кто собрался на кладбище. Еще мгновение, и гроб будет предан земле. Но как раз в эту минуту раздается голос свидетеля-рассказчика, подробно излагающего, что же произошло в действительности.

...Вот уже несколько дней как в Орвэ царит необычайное оживление. На площади перед скромной мэрией выстроились четыре длинных серых автобуса с зарешеченными окнами, доставившие сюда большой отряд полиции. Здесь же машина крупной радиокомпании. От одного электрического столба к другому протянут плакат «Добро пожаловать, свободная Европа». Но не только из стран «свободной Европы» ждут гостей в Орвэ, сюда на конгресс ПЛЮ («Передовое либеральное юношество», молодежная организация, примыкающая к французским правящим партиям) должны прибыть и американские и японские представители. В повестке дня одна тема: «Будущее свободы в индустриальных странах». На открытии конгресса слово произнесет государственный секретарь по вопросам свобод господин Анри Мино. На закрытии ожидается выступление одного из министров, который еще не прибыл. Конгресс должен происходить в специально переоборудованном помещении небольшой гостиницы, принадлежащей некоему Экару. Но зачем же такие усиленные наряды полиции? Дело в том, что местная молодежь во главе с Полем Пужалем-Арно решила устроить «контрдемонстрацию». Распространился слух, что Поль и его товарищи готовы чуть ли не заложить бомбы в помещение, где соберутся конгрессисты. Слух этот разросся до размеров паники, когда стало известно, что в доме у Пужаля-Арно ночевал какой-то незнакомец. Полиция подозревает, что это известный террорист международного масштаба.

Господин Анри Мино в своей выспренно-демагогической речи, в основном посвященной... «дьявольскому наступлению международного коммунизма, руководимого Москвой», натравливает аудиторию также и на... «юных преступных безумцев, которые прячутся в горах и которые вынашивали планы убийства».

В действительности Поль, его друг, приехавший из Тулузы, и другие местные противники ПЛЮ собирались провести манифестацию, во время которой должны были запускаться петарды. Все бы, может быть, кончилось и относительно благополучно, не попади Поль в руки группы конгрессистов, которые решили устроить над ним нечто вроде суда в гостинице Экара. «Судьи» были изрядно пьяны, пленника осыпали издевательскими насмешками; Альфонс Гэ Семёр, сын министра, сделал попытку раздеть Поля. Юноша нанес ему сильный удар и пытался бежать, но был схвачен и оттеснен в угол. Здесь Гэ Семёр обрушил свой здоровенный кулак на висок Поля; падая, Поль «тяжело ударился затылком об пол и больше не шевелился». «То, чему я был свидетелем, — сообщает рассказчик об увиденной им ночью в горах сцене, — трудно себе представить и может быть объяснено только паническим страхом перед политическим скандалом. Хозяин гостиницы склонился над трупом и начал разрывать на нем одежду огромными когтями на лапах медвежьей шкуры. Затем он изодрал ими все тело, начиная с лица и шеи, затем вспорол живот. Так всегда поступают медведи со своими жертвами. Операция продолжалась около часа. Экар действовал спокойно и точно. Трое других, которые вначале стояли на коленях, пытаясь ему помогать, вскоре встали и отошли, чтобы не видеть этого чудовищного зрелища».

Правда о том, при каких обстоятельствах был убит Поль Пужаль-Арно, раскрыта перед всеми, кто пришел на кладбище. Но свидетель-рассказчик опасается, что, даже изложив все факты один за другим, он не сможет ответить на вопрос, который кажется ему самым главным. «Эта смерть, — спрашивает он у самого себя, одновременно обращаясь и к читателям, — это надругательство над телом погибшего — имеют ли они какой-либо политический смысл или нет? Не следует ли во всем этом видеть лишь абсурд, нелепую драму, разыгранную подростками, фарс, пьесу, закончившуюся кошмаром? В чем действительно виновен Альфонс Гэ Семёр? В том, что он выпил лишнего, погорячился, а затем обезумел? Или, напротив, в том, что он оказался во власти несдержанной истерии, вызванной политическими взглядами, на первый взгляд довольно обычными, но в действительности таящими в себе зародыши будущих крестовых походов против марксистских антихристов?..»

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, надо выйти из комнаты, на пол которой упал Поль, на какое-то время вытравить из памяти чудовищную сцену в горах и, пройдя под плакатом «Добро пожаловать, свободная Европа», еще и еще раз спокойно припомнить все, что происходило в Орвэ за неделю, описанную в повести. Надо вызвать для начала хотя бы еще двух свидетелей: мать Поля, подойдя к ней в тот момент, когда она из полицейского участка вернулась в свой дом, где во время обыска перевернули решительно все; и Николя Дерика, одного из организаторов конгресса. Дерик давно уже, правда, вышел из юношеского возраста. Его имя было хорошо известно во время алжирской войны. «Он, — вспоминает автор «Зверя», — руководил многими заговорами против республики и покушениями на жизнь генерала де Голля. Посаженный в тюрьму, он был освобожден, а затем исчез с политического горизонта».

Дерик был в числе четырех, осуществлявших операцию с медвежьей шкурой. Дерик был также и среди встречавших государственного секретаря по вопросам свобод. Секретарь дружески потрепал его по плечу. «Свободы», которые защищает господин Анри Мино, действительно не могут обойтись в трудную минуту без поддержки этого испытанного палача.

«Я не говорю, — подчеркивает автор

романа, — что описываемое мною происходит или вот-вот произойдет. Я говорю только, что это может произойти. Я говорю, что возвращение к зверству возможно в таком обществе, как наше». И не стремление «пророчествовать» двигало пером писателя. «...Это литературное произведение, — говорит он, — порождено в первую очередь огромным беспокойством, которое я испытываю при мысли об определенной неосведомленности, непредупрежденности моих сограждан по этому особенному поводу».

Столь явно различить следы «зверя», однако, удается не часто. Иногда в книгах ощутимо лишь его губительное присутствие, сам же «зверь» искусно прячется в дебрях злополучного «стечения обстоятельств». Таким неуловимым видим мы его и в романе Андре Стиля [1] «Романсонж».

В названии романа писатель соединил два французских слова: «роман» и «мечта». И книга представляет собой противоборство мечты и действительности, поскольку в конце концов они оказываются в трагическом противоречии, которое приводит главного героя Даниеля Дамьена к гибели. Повествование начинается как романтическая идиллия: в небольшом городке на шахтерском северо-западе Франции ранней весной встречаются юноша и девушка, Даниель и Дениз. Обоим восемнадцать лет. Он рабочий-электромеханик. Она работница прядильной фабрики. Автор романа с большим мастерством передает свежесть чувств, обаяние первой любви, которая защищает себя от внешнего мира тем, что иногда хочет казаться просто игрой. В этой игре Дениз допускает очень неточный ход, сказав Даниелю, что она — «дочь инженера». Для молодого рабочего в этих, казалось бы, столь незначительных словах заключена целая трагедия. Он электромеханик, и он знает, что ему не удастся подняться ни на одну ступеньку выше, и он никогда не сможет создать такую жизнь, к которой, в его представлении, привыкла «дочь инженера». «Отчаяние пришло к нему при мысли о будущем. Он никогда не думал о нем раньше... До сих пор Даниель ни разу в жизни не считал себя ниже — ниже чего бы то или кого бы то ни было». Состояние полного сил Даниеля в чем-то подобно положению парализованного Томаса — и тот и другой считают, что они не могут выйти на «ринг жизни». В порыве отчаяния Даниель кончает с собой. Газета с заметкой о его самоубийстве попадает затем случайно на глаза Дениз...

Невероятная история? Может ли такая драма произойти в двадцатом веке? Ответом на этот вопрос служит вырезка из газеты, лежавшая на столе писателя, когда он работал над своей книгой. Трагическое событие, имевшее место в жизни, послужило толчком, побудившим Андре Стиля взяться за перо. На столе писателя мог бы лежать и острый политический рисунок французского художника Жана Кира. На рисунке — лицо молодого человека, но изображено оно так, как будто какая-то чудовищная лапа нанесла зверский удар по голове и вся левая сторона лица «съехала», опустилась значительно ниже правой. Это «живая» диаграмма, а подпись под ней гласит: «Сын рабочего имеет в пятнадцать раз меньше шансов получить высшее образование, чем сын директора завода. Зато у него шестьдесят шесть шансов из ста быть таким же рабочим, как его отец».

Очень важно иметь в виду возраст героев «Романсонжа», когда задумываешься над тем, почему страницы этой книги насыщены такой жизненной достоверностью. Если бы Даниель и Дениз были бы на год, на два младше, юноша, по всей вероятности, не стал бы еще так «по-взрослому» задумываться над своим завтрашним днем, которому предстоит стать уже не только его днем, а началом их общей жизни с Дениз. Если бы, наоборот, они были на два, на три года старше, возможно, у Даниеля уже бы окрепло сознание собственного достоинства, и он спокойно отнесся к тому, что любящая его девушка — пусть она даже и «дочь инженера» — разделит его жизнь, что они вместе будут строить свою. Мечта сталкивается в романе с реальным миром как раз тогда, когда она еще не сознает своей собственной силы, силы бороться за себя, и это приводит к трагической развязке. «Обычная история любви двух юных героев, — сказал Андре Стиль в одном из интервью, — вскрывает всю жестокость капиталистической системы. Но пока система эта существует, даже если она слабеет и конец ее не за горами, никто не защищен от ее губительного воздействия».

Но не удалились ли слишком от реальности авторы книг, герои которых кончают жизнь самоубийством? Неужели именно такого рода смерть столь часто уносит во Франции молодые жизни? К сожалению, оба автора — отмечу, что по своему мировоззрению это очень разные люди, — хотя и дают полную свободу своему творческому вымыслу, ничего не преувеличивают, если говорить о жизненной основе их романов.

Катастрофы, вызванные столкновением с действительностью, уносят больше молодых жизней, чем автомобильные аварии и несчастные случаи на дорогах, отмечает «Пуэн». В самом деле, хозяева жизненных дорог уже не в состоянии поддерживать на них порядок, на самых главных магистралях жизни царит хаос. Первый самостоятельный шаг человека на этих дорогах нередко становится шагом «в никуда».

На обложке лежащего передо мной номера другого парижского еженедельника, «Нувель обсерватер», — юноша, погруженный в чтение. Но не книга в его руках, он углубился в страницы газеты, в надежде отыскать такое объявление, которое давало бы надежду получить какую-нибудь работу. «Заработная плата — неизвестное понятие» — так озаглавлена статья Катлина Эвена и Люсьена Риу. «Один миллион молодых безработных, — пишет автор другой статьи Жан Даниель, — означает один миллион семей, где разыгрывается драма. Один миллион юных в водовороте отчаяния».

Читая эти статьи с подзаголовками «Бесполезные дипломы», «Безнадежность» и т. д., я невольно вспомнил беседу летом 1976 года с молодым французским социологом Андре-Клеманом Декуфле, руководящим в Париже лабораторией прикладного прогнозирования и основавшим общество по изучению 2000 года. Перу Декуфле принадлежит книга «2000 год — антиистория конца света». На одной из ее страниц автор приводит отрывок из «биографии будущего», написанной парижским старшеклассником.

«1985. Преступлений, насилий, жестокостей разного рода становится все больше. По ночам всем приходится баррикадировать двери. Выходить ночью из дома — самоубийство. 2000. Ужас, страх, нищета овладевают страной... Без всяких причин все начинают убивать друг друга... Страна приходит в полный развал и упадок. Люди живут тем, что удается украсть или найти». Мне хотелось выяснить, чем объясняет Декуфле беспросветную мрачность этого прогноза, а также узнать, какими методами пользуется он сам, «заглядывая в будущее».

Лаборатория прикладного прогнозирования находится в доме № 6 по улице Данте. Надо сказать, что место для «наблюдения за будущим» выбрано весьма удачно. Эта небольшая улица, можно даже сказать, переулок, выходит на знаменитый парижский бульвар Сен-Жермен. Это на него из примыкающего к бульвару Латинского квартала, где расположены многие высшие учебные заведения, выливается поток студенческих манифестаций, это здесь разыгралась значительная часть майских событий 1968 года. Андре-Клеман Декуфле и сам настолько молод, что кажется студентом. Он располагает к себе собеседника непосредственностью, увлеченностью.

— Я не занимаюсь прорицаниями по поводу того, что будет в 2000 году, — говорит Декуфле. — Я просто стараюсь внимательно прочесть, что написано на лице Франции сегодня, и внимательно выслушать, что она говорит о своих болезнях. Чтобы написать паническое пророчество вроде того, что сделал подросток-школьник, достаточно увидеть лицо Франции, отраженное в зеркале страницы сегодняшней газетной хроники.

Но другие страницы газет твердят читателю, что такое «лицо общества» в общем-то естественно, что общество всегда живет по законам джунглей и нарушать этот порядок бессмысленно. Макс Мазеран, один из крупнейших французских промышленных магнатов, пишет в «Фигаро»: «Необходимо, чтобы ничто не препятствовало ее (капиталистической системы. — Н. Р.) функционированию, чтобы велась свободная игра ее регулирующих автоматизмов, удаляя слабых и неподготовленных и вознаграждая действенных и сильных...»

«Свободная игра регулирующих автоматизмов» — так лукаво предлагают теперь именовать извечный закон джунглей — право хищника уничтожать свою жертву. Когда я читаю подобные сентенции, у меня невольно воскресают в памяти минуты, завершающие сцену в лесу из романа Пиле: «...Бросив последний взгляд на жертву, Экар поднял шкуру и подал сигнал, что пора уходить. Они добрались до ущелья, по дну которого бежал ручей. Там они вымыли и тщательно очистили когти».

И я понимаю, почему спустя несколько строк автор романа восклицает: «Какой величественной красотой сияли этой ночью горы!» Бывают такие мгновения, когда только глоток свежего воздуха спасает от приступа тошноты.

[1] *Андре Стиль — известный французский писатель, коммунист. В нашей стране издана его трилогия «Первый удар», романы «Обвал», «Мы будем любить друг друга завтра» и другие произведения. — Примеч. авт.*

«ФРИНДЖ»: КТО ИГРАЕТ НА КРАЮ?

А. ОБРАЗЦОВА,
доктор искусствоведения

Круглолицая, румяная, в красной кепочке, в красных брюках и красном плаще, Джоан Литтлвуд показывала мне новое здание театра Уоркшоп. Театр этот расположен далеко от центра, фактически в пригороде Лондона, похож на сарай и выглядел бы весьма неказисто, если бы дети из школы напротив не разукрасили его стены от пола и до потолка своими рисунками. Сколько «художников» приняло участие в отделке здания, Джоан Литтлвуд и сама не знает. Ребятам дали краски и предоставили полную творческую свободу. И вот со стен на зрителей взирают диковинные звери, яркими тонами отливают фантастические цветы, высятся кривые дома, а над ними на ослепительно голубом небе сияет круглое оранжевое солнце с аккуратными стрелками-лучами и, конечно же, плывут среди белых облаков самолеты. Видно, что иным из «оформителей» было совсем немного лет. Даже в маленький кабинет самой Литтлвуд, находящийся под крышей, им удалось проникнуть — и здесь веселое празднество красок, смешная кутерьма наивных фантазий. А вдохновительница этого творчества с увлечением рассказывает, как летом и осенью, пока было тепло, она вместе с детьми устраивала представления-импровизации на открытом воздухе, и юные зрители, вовлекаемые в ход действия, становились одновременно и актерами.

Джоан Литтлвуд — известный в Англии режиссер и театральный деятель, многие считают ее родоначальницей «фринджа».

По-английски «фриндж» («fringe») — «край». Применительно к театру можно сказать, что это своего рода «театр на отшибе», «театр на обочине». Сегодня — это множество профессиональных, полупрофессиональных и любительских коллективов, которые возникли вдруг в чрезвычайном изобилии и отправились бродить по стране, из одного ее конца в другой, в поисках бесплатных или хотя бы очень дешевых помещений, приспособленных или совсем не приспособленных для театральных представлений. Уйма новых маленьких театральных групп противопоставила себя идейно, эстетически, а зачастую и политически ранее существовавшим профессиональным группам, коммерческим развлекательным зрелищам прежде всего.

«Фриндж» настигает зрителей повсюду: на фабриках во время обеденного перерыва в «пабах», школах и прямо на улице. На снимке: театр «Френдз роудшоу» дает представление для детей.

Датой рождения «фринджа» принято считать 1968 год, что в высшей степени знаменательно. Впрочем, вряд ли кто возьмется точно сказать, когда образовалась первая театральная группа нового склада, да и важна здесь не дата, а дух и суть «фринджа» — протест против рутины, косности, стремление к демократизации театрального творчества, поиски новых форм общения между актерами и зрителями.

Известный театральный критик Ирвинг Уорлд отмечает среди прочих особенностей «фринджа» и такую: до второй ми-

ровой войны небольшие города Англии, как правило, не имели своих театров, время от времени туда наезжали гастролеры из столицы; с начала 50-х годов театры в маленьких городах (с населением до 100 тысяч) с трудом, но стали создаваться. Влияние «фринджа» на жизнь таких групп было переломным. Изменилась театральная география Англии, что само по себе примечательно.

Не хватает как будто немногого: пестрого фургона, запряженного лошадьми, ящиков с костюмами и реквизитом и веселой ватаги лицедеев-потешников, чтобы вспомнить очень старые и отнюдь не во всех отношениях добрые времена формирования европейских театральных традиций. Но если сегодня нет лошадей и фургонов, то появились на улицах и на дорогах автобусы, оснащенные всем необходимым для спектаклей. Один из таких автобусов, курсирующий по улицам Лондона, называется так: «Автобус веселого искусства». Всякого рода развлечения, в том числе маленькие представления, предлагаются зрителям-пассажирам прямо на ходу.

В техническом оснащении бродячих трупп XX века, конечно, изменилось многое. Но материальная необеспеченность, неопределенность будущего остались почти такими же, что и у далеких предшественников. У нынешних передвижных трупп трудная жизнь: цены на билеты, если они продаются, мизерны — в пять, а то и в десять раз меньше, чем в обычных театрах. Материальная поддержка от государственных учреждений или частных лиц, что изредка случается, невелика. И все же с завидной смелостью они снимаются с места и устремляются неведомо куда.

Зрителей настигают, где только удается. Их преследуют, стараясь во что бы то ни стало завербовать в завзятые театралы. Появились, например, так называемые «театры пивных» и «театры обеденного перерыва», действующие по известному принципу: «Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе».

Обеденный перерыв длится около часа — за это время обедающим рабочим, мелким служащим можно показать одну, а то и две одноактные пьесы или концертную программу. Кто не знает знаменитые английские пивные — «пабы»? В них с незапамятных времен отцы семейств среднего и ниже среднего достатка засиживаются допоздна, медленно и лениво потягивая единственную кружку пива. Посетители чаще всего никуда не торопятся, кроме разговоров да игры в «стрелки» — «дартс», дел никаких. Как можно упустить такого потенциального зрителя! Актеры устремились в «пабы», предлагая засевшим там соотечественникам сатирические, лирические и откровенно политические зрелища. Кроме «пабов», представления даются в школах, больницах, исправительных заведениях и т. д. и т. п. Но все же главное — это рабочий и молодежный зритель.

В обиход рецензентов и театроведов уже вошли названия нескольких театров, которым удалось выдержать первые испытания, просуществовать пять-шесть и более лет. Названия часто символические. К примеру, «7 : 84 тиэтр компани». Цифры означают, что к моменту образования театра в руках семи процентов населения Британии находилось 84 процента всех национальных богатств. Или вот «Почти бесплатный театр». Название говорит само за себя: зрителям предлагают заплатить столько, сколько они могут.

В репертуаре «фринджа» есть классика — от Аристофана до Лорки. Но она занимает сравнительно небольшое место, к тому же, когда ставят классические произведения, то не очень считаются ни с их содержанием, ни с их формой. Одна из главных задач для «фринджа» — открытие новых имен. Уже знакомая нам Джоан Литтлвуд вывела на профессиональную сцену не одного из ныне знаменитых драматургов. И среди них Джона Ардена. Его творчество прочно связано с «фринджем». Театр «7 : 84» первым показал пьесу Ардена «Завещание Балигомбина», написанную им вместе с женой, актрисой Маргарет Д'Арси. Пьеса рассказывает об ирландской семье, изгнанной английским землевладельцем с фермы, которую она арендовала на протяжении более чем ста лет, о гибели старшего сына, воспротивившегося властям, о смерти отца. Эта грустная история изложена откровенно публицистически и разыграна театром как яркое агитационное зрелище.

Пьеса Ардена отвечает идейной декларации театра «7 : 84», обнародованной его основателем и руководителем Джоном Мэгра: «Мы считаем, что общество есть не что иное, как поле битвы, где класс эксплуататоров стремится захватить результаты труда эксплуатируемых, чтобы получить максимальную прибыль. Наш коллектив ставит перед собой цель способствовать изменению такого положения вещей, причем речь идет не только о прибыли, но и о принятой в обществе системе ценностей, ведущей свое происхождение от класса эксплуататоров».

«Фриндж» неотделим от общественной, политической жизни Англии 70-х годов. В 1972 году внимание всего мира было приковано к многомесячной борьбе шотландских судостроителей Верхнего Клайда против закрытия верфей. Рабочие одержали победу, верфи, получив дотацию от государства, остались действующим предприятием. А через несколько месяцев на фестивале в Эдинбурге театр «Уэйверли маркет» показал спектакль «Великое северное шоу на Уэлли Бут» по пьесе Тома Бьюкена и Уильямса Конноли, где рассказывалось о только что разыгравшемся классовом сражении. Пьеса и спектакль опирались на традиции ранних пьес Брехта. Действие сопровождалось песнями, танцами; режиссура щедро использовала гротеск, иронию, карикатуру. Критик Майкл Биллингтон отметил «колоссальный успех» постановки.

Две тенденции скрестились во «фриндже», дополняя друг друга. Первая — негативная, или, точнее сказать, тенденция разрушения, отразившая неудовлетворенность существующей театральной системой и прежде всего коммерческим театром, который делает все, чтобы отвратить соотечественников от идей и настроений времени, помешать им выработать собственное отношение к важнейшим общественным и политическим проблемам. И вторая — позитивная: «фриндж» ищет пути выражения настроений недовольства и протеста, что зреют в кругах английской молодежи 70-х годов, потребности разобраться во всем и жажды высказаться.

Возможно, это становится наиболее очевидным в дни театральных фестивалей, в частности, во время ежегодных летних фестивалей в столице Шотландии — Эдинбурге. Тогда к множеству профессиональных групп присоединяется столь же значительное количество студенческих театральных коллективов. Именно студенческие театры нередко с особой остротой воспринимают идеи «фринджа» и пытаются немедленно внедрить их в сознание своих сверстников. Идеи эти, конечно, неравноценны, и воздействие они производят различное. Но так или иначе студенты не упускают ни одной возможности, чтобы дополнить официальную программу фестиваля широкой панорамой разного типа дискуссионных, острых представлений. Количество выпускаемых при этом афиш «фринджа» огромно. Разбушевавшаяся стихия творческих экспериментов незваных гостей готова смять немногие тщательно отобранные создания узаконенных претендентов на первенство.

Мне довелось побывать на Эдинбургском фестивале. На афише фестиваля значились имена восьмидесяти шести прибывших профессиональных и любительских театральных групп. Среди них и гости из-за рубежа — две танцевальные группы из США и Индии, студенческий театр Вашингтонского университета, драматические труппы из Канады и Франции. Студенческие спектакли привезли университеты Лондона, Глазго, Бредфорда, Дарема, Манчестера, Кембриджа, Оксфорда, Эдинбурга.

Столица Шотландии была словно расколота фестивалем надвое: «фриндж» установил свою демаркационную линию. На фоне живописных стен замков, в старинных залах игрались спектакли официальных участников фестиваля. А чем дальше от центра, тем больше — в залах кинотеатров, клубов, школ, просто в комнатах, предназначенных для чего угодно, только не для театральных зрелищ, на чердаках и в подвалах разместился «фриндж», не тяготясь ни неудобствами, ни дальностью расстояний от театрального ядра фестиваля. «Фриндж» не считался не только с местом, но и со временем: спектакли шли утром, днем, вечером и ночью, так что в один и тот же день можно было посмотреть столько выступлений, на сколько хватало сил.

Увидев на афише интригующее заглавие «Революция вчерашнего дня» в исполнении студентов Бредфордского университета, мы отправились туда вместо обеда, и не пожалели об этом.

Цели спектакля были изложены в программе на пяти страницах машинописного текста, которую раздавали зрителям перед началом. На первом листе, темно-розовом, были изображены демонстранты с флагами. Студенты сами сочинили пьесу, а точнее, не пьесу, а литературный монтаж на основе реальных документов из истории лейбористского движения с 1890 года по 1926-й (год первой всеобщей стачки в английском рабочем движении).

«Почему в Англии не произошла революция, социалистическая революция?» — задавали создатели спектакля вопрос зрителям и сами же отвечали на него: «История рабочего движения страны была историей предательства его руководителей и грубого нажима со стороны правительств. Рабочий класс совершил величайшую ошибку уже в самом начале, когда, не поверив в свои силы, избрал парламентский путь».

По своему типу представление «Революция вчерашнего дня» более всего напоминает спектакль-митинг. Над наскоро сколоченными деревянными подмостками повешено знамя бредфордского тред-юниона. На сцене — стол, несколько стульев. Те десять человек, что коллективно составили текст, стали актерами; один из них, Грег Фило, также и режиссер. Идут заседания, митингуют стачечники. Произносятся речи. Демонстрантов расстреливают, они

падают на сцене или в проходах крошечного зала. Собравшиеся, в подавляющем большинстве ровесники актеров, следят за ходом событий с неослабевающим вниманием.

Каждый студент-актер выступает в нескольких ролях: рядовой участник демонстрации или стачки, потом лидер лейбористского движения или известный политический деятель Англии, например Уинстон Черчилль. Иногда исполнители используют чуть-чуть грим и какую-нибудь деталь костюма, чтобы уточнить историческую конкретность времени.

Говорить о художественных достоинствах или художественных особенностях спектакля «Революция вчерашнего дня» трудно — участники спектакля профессионально очень неопытны. Но в постановке властно покоряет нечто большее — перед нами существенная часть духовной жизни современной английской молодежи, сознательно облеченная в театральную форму. Студенты тщательно, заинтересованно исследуют прошлое ради будущего.

А неподалеку от студентов-бредфордцев, на другой узенькой улочке Эдинбурга, взвивающейся вверх по холму, недавние студенты-филологи из Йоркшира, создавшие коллектив «Ригмароль тиэтр компани» («rigmarole» — «потеха, «вздор», «чепуха»), с завидным азартом и темпераментом исполняли новый рок-мьюзикл «Птицы» по мотивам комедии Аристофана. В самодельных костюмах из перьев, с птичьими головами, актеры-любители лихо отплясывали и проказничали сколько их душе угодно. К произведению Аристофана молодые «потешники» обратились неспроста. Сюжет пьесы дал материал для намеков на современность и политических выпадов.

У Аристофана чудаки-афиняне отправляются на поиски идеального города, где можно прожить мирно и без хлопот. Птицы, к которым они попадают, самонадеянно претендуют на то, чтобы управлять людьми вместо богов. Напуганные боги засылают к птицам послов с тем, чтобы, поторговавшись, поделить власть. На этой сюжетной основе йоркширские «потешники» выткали собственные узоры. Они вдоволь поизмывались над обывательской суетой как птиц, так и богов, а заодно и афинян, посмеялись над всякого рода политиканством. Спектакль отразил четкую негативную программу его создателей и их значительно менее отчетливые позитивные идеалы, что, увы, свойственно довольно большой части молодежи Запада.

«Фриндж» заметно изменил театральную карту самой английской столицы. На лондонской афише «фринджа», например, спектакли «Янг Вика». Формальные основания для этого есть: «Янг Вик» тоже создан в семидесятые годы и ориентируется на молодежь. В сущности, это один из немногих официально признанных молодежных театров Англии. В отличие от большинства театров «фринджа» руководителям «Янг Вика» не приходится мучительно изыскивать пути добывания средств, его жизнь узаконена и благополучна. «Янг Вик» — фактически ответвление, своего рода молодежный филиал Национального театра, который до 1976 года помещался в старом здании под названием «Олд Вик». Старший брат всячески, в том числе и творчески, опекает младшего. И в то же время все, с чем я столкнулась в «Янг Вике», как на сцене, так и в зрительном зале, в высшей степени импонировало лучшим идейным устремлениям «фринджа». Здесь царила атмосфера естественности, доверия и взаимопонимания. По неписаным законам «фринджа» зрительный зал (мест 450) не очень походил на привычное театральное помещение. Прежде это была мясная лавка со всеми необходимыми подсобными помещениями. Отремонтированное для «Янг Вика» здание все равно больше напоминает склад, чем театр.

Но молодые зрители чувствовали себя в «Янг Вике» хорошо. Старше тридцати лет среди них были единицы. Все располагались на деревянных скамьях широкого балкона, нависшего над залом, и на жестких сиденьях нескольких рядов партера, полукругом опоясывающих сцену. Пришедшие сюда юноши и девушки чувствовали себя равными: все билеты стоят одинаково, места не нумерованы — это еще один неписаный закон «фринджа». «Янг Вик» посещает скромная, серьезная молодежь — студенческая, рабочая. Почти не встретишь здесь экстравагантных туалетов или бурных, скандальных выходок во время действия. Молодые лондонцы знают, что скорее всего в этом театре их не обманут дешевой сенсацией, не подсунут под предлогом моды подпорченный идеологический товар, и в большинстве случаев не ошибаются.

В «Янг Вике» я смотрела весьма оригинальную по замыслу и воплощению драму Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Вы, наверное, помните этих шекспировских персонажей. А впрочем, могли и забыть, ведь они эпизодические фигуры в «Гамлете». У Шекспира это предатели и шпионы, которые сопровождают своего приятеля, Гамлета, в Англию и которым король дает письмо к своему английскому родственнику с просьбой убить принца датского. В последующих сценах мы узнаем, что предатели гибнут в бурю, их смерть — своего рода возмездие за подлость. Вот и все. Стоппард нашел, что эти страницы великой трагедии дают прекрасную возможность провести аналогию с современными нравами. Первоначально он задумал сочинить короткий фарс, но в ходе работы маленький фарс вырос в большую двухактную пьесу, жанр которой можно определить как трагикомедия или трагифарс.

У Стоппарда действие начинается с того момента, когда Розенкранц и Гильденстерн получают от короля роковое поручение и гадают на монете, что им делать, совершать подлость или не совершать — «орел» или «решка». Потом мы становимся свидетелями трагикомических приключений, происходящих с ними на корабле, идущем в Англию. Гамлет узнает о шпионской миссии своих друзей и легко обводит их вокруг пальца, меняя письмо короля на другое письмо, в котором выносится смертный приговор шпионам. Сам Гамлет играет в пьесе второстепенную и, надо сказать, весьма неблаговидную роль. В центре же все время двое незадачливых его спутников, беспечных и одновременно запуганных, которые делают вид, что пытаются решить для себя моральную дилемму. На самом же деле ничего решить они не могут, ибо привыкли плыть по воле волн, привыкли думать, что за них все решат другие.

Тема пьесы — чудовищное обезличивание человека в современном буржуазном обществе. С первого появления вы замечаете удивительное сходство двух героев. Нет, это не внешнее сходство: один вроде бы выше другого, Розенкранц темноволос, Гильденстерн блондин. Первый сдержан, второй экспансивен. Но они совершенно адекватны в духовном, нравственном смысле. Представляя себя и своего друга, Розенкранц говорит: «Я Гильденстерн, а это Розенкранц». Посоветовавшись немного, он без тени смущения поправляется: «Простите, это Гильденстерн, а я Розенкранц». Если сами они готовы запутаться, то что же остается окружающим? На страницах пьесы Стоппарда шекспировские герои ведут себя как близнецы-уроды, утратившие всякие личные особенности, а заодно и волю к жизни. Напрасно твердит в конце пьесы Розенкранц: «Мы не сделали ничего дурного, мы никому не принесли вреда. Не правда ли?» — «Я не могу припомнить», — отвечает Гильденстерн.

Режиссер спектакля Бернард Госс заостряет наше внимание прежде всего на сатирических красках, имеющихся в пьесе. Он создал яркое, веселое представление, на котором зрители охотно и с удовольствием смеются. Они смеются над нелепостью ситуаций, в которых оказываются герои, над абсурдом их поведения и в конце концов над нравственными законами общества, породившего Розенкранца и Гильденстерна. Спектакль предназначен для молодежи, и создатели его словно предупреждают молодых зрителей о тяжких последствиях утраты человеческого достоинства, воли и самостоятельности. А молодые зрители с признательностью воспринимают это предостережение. Смеясь, они отвергают незавидную долю Розенкранца и Гильденстерна.

Как бы ни сложилась дальнейшая судьба «фринджа» — а гробовщиков, предрекающих его близкую смерть, предостаточно,— он уже осуществил немаловажное дело: заставил соотечественников задуматься о дальнейших путях искусства, о дальнейших путях жизни.

Атмосфера «фринджа» вспомнилась мне, когда я прочла в газетах о трагической гибели в Лондоне двадцатилетнего студента математического факультета Уорикского университета Кевина Гейтли. Он умер от кровоизлияния в мозг в результате удара по голове дубинкой во время молодежной контрдемонстрации против фашистов из «национального фронта». Эта демонстрация была первой, а стала последней в его жизни.

Полицейские преградили путь демонстрации антифашистов на узенькой улочке Оулд норд-стрит.

— Когда конные полицейские, вынув дубинки, ринулись на демонстрантов, мы взялись с Кевином за руки, — рассказывала подруга Кевина, тоже студентка, как и он, приехавшая в Лондон, Джеки Стивенс. — Лошади давили людей. Я упала и почувствовала сильный удар по голове. Слышались вопли и стоны. Кругом была кровь. Последний раз я видела Кевина, когда падала. Потом я узнала, что он в госпитале. А к вечеру нам сказали, что Кевин, не приходя в сознание, умер.

Кевин Гейтли был одним из многих молодых англичан, пытающихся разобраться в современной жизни, найти свою позицию в борьбе. Его ровесники выбирают, ищут и находят самые разные пути. Деятели «фринджа» тоже ищут. Найдут ли? В любом случае театральные действа «фринджа» открыто заявляют об отношении к сегодняшней действительности своих создателей и зрителей.

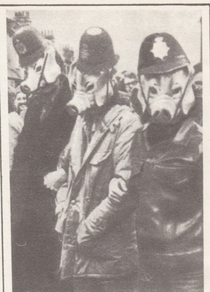

КОСМИЧЕСКИЕ ВЕСТИ-77

Москва. В сообщении ТАСС говорится, что СССР предложил партнерам по программе «Интеркосмос» направить будущих космонавтов в нашу страну на подготовку. Цель — совместные полеты, совместные космические исследования.

Гавана... На острове Свободы, где небо чистое большую часть года, был установлен мощный лазерный дальномер, в создании которого принимали участие специалисты СССР и ЧССР. Точнее, он будет стоять в легендарных горах Сьерра-Маэстра. 20 лет назад «барбудос» Фиделя спускались с этих гор, чтобы штурмовать казармы диктатора Батисты. Ныне кубинские ученые отсюда штурмуют космос.

Берлин. Уникальный телескоп, который вы видите на снимке, построен рабочими знаменитого цейсовского завода по заказу Болгарской академии наук. Космос заставляет работать именно так — объединяя усилия не отдельных людей, но стран и народов.

СВИН БОББИ

Во всех рекламных проспектах Лондона нетрудно найти фигуру добродушного полицейского в черной каске. Склонившись в три погибели, он объясняет что-то малышу или переводит через дорогу старушку. Но лондонский бобби имеет обыкновение терять все свое добродушие и приобретать «звериную серьезность», когда речь заходит о защите интересов боссов. Он обрушивает дубинки на головы рабочих-пикетчиков, избивает смертным боем студентов, осмелившихся преградить путь демонстрации фашистов. «Полицейские вели себя, как банда хулиганов», — заявил в палате общин один парламентарий, оказавшийся очевидцем погрома, который учинила полиция над забастовщиками фабрики «Гранвик». А как отреагировали на это хулиганство сами рабочие? С чисто английским юмором. На следующий день они встали в пикеты у ворот той же фабрики, надев черные каски на маски свиных рыл.

БОНЖИ ПРИНИМАЕТ ЭСТАФЕТУ

«Без языка и колокол нем», — говорит народная поговорка. Голосом порабощенного народа Южной Африки, символом его надежды стала известная всему миру певица Мириам Макеба.

— Я не пою о политике, — сказала в интервью журналу «Афромьюзик» Макеба. — Я пою о жизни моего народа. И если жизнь в Южной Африке — это грязная политика расистов, что я могу поделать? Мне хотелось бы увидеть победу социализма в моей стране. Это единственный путь для моего народа покончить с угнетением. Мы, африканцы, готовы к борьбе, и, я верю, мы победим.

В этом году на концертах в Париже, на празднике «Юманите» Мириам пела вместе с дочерью Бонжи. Мать и дочь, они поют одни песни и верят, что споют их еще в свободной, родной им стране.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДИЕТА. Группа австралийских врачей предлагает простой и эффективный способ похудеть. Он уже опробован на 17 тучных пациентах, вес которых вдвое превышал норму. Врачи зафиксировали с помощью металлических скоб челюсти добровольцев таким образом, чтобы они не могли употреблять твердую пищу, обходясь лишь напитками. На случай непредвиденных обстоятельств врачи рекомендовали иметь при себе кусачки. Двое пациентов применили их уже на второй день.

ВСЕ ВПЕРЕДИ, НАЙДЖЕЛ!

Хосе Рауль Капабланка стал чемпионом Кубы в двенадцать лет. Роберт Фишер выиграл первенство США в шестнадцать лет. Одиннадцатилетний англичанин Найджел Смит занял первое место в турнире для тех, кто хотел участвовать в сеансе одновременной игры, который давал в Лондоне чемпион мира Анатолий Карпов. Партия протекала в напряженной борьбе и закончилась победой Карпова. Не огорчайся, Найджел! В конце концов, у тебя всего одно поражение от чемпиона мира. У многих гроссмейстеров их куда больше.

«РЕМНИ» Г-НА ФОРСТЕРА

«Только для белых» — эта привычная для южноафриканцев надпись на вагонах поездов, похоже, начинает звучать иронически, ибо в таких вот вагонах белые расисты бегут из страны, как крысы с тонущего корабля. Для тех эмигрантов, кто предпочитает самолет, не менее пророчески звучит фраза, произнесенная премьер-министром Б. Форстером в канун 1977 года. «Застегните привязные ремни», — предупредил он шутливо своих белых сограждан, имея в виду, правда, совсем другое. Для Форстера «застегнуть ремни» значит еще более усилить эксплуатацию коренных жителей, составляющих три четверти населения страны, преследовать их драконовскими законами и «принимать меры» в отношении организаций и лиц, «ставящих под угрозу безопасность государства». В числе этих «мер» — расстрелы детей в Соуэто, зверские расправы за глухими стенами тюрем.

...Штурвал пока в руках г-на Форстера и иже с ним расистов. Но ведомый ими режим вошел в штопор. До острот ли будет им в предстоящем году?..

ЛОРД ПЛЮШКИН

Как вы помните, первое, что поразило Чичикова в имении Плюшкина, была ветхость строений: «многие крыши сквозили как решето, на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребер». Почти теми же словами, которым разве что недостает гоголевской сочности, журнал «Обсервер» описывает деревню Грейт Баррингтон в Англии наших дней. В столь плачевном состоянии оказались более 30 великолепных каменных домов классической архитектуры XVII—XVIII веков. Почему государство не возьмет их под свою охрану? Не может, ибо принадлежат они потомственному лорду Уингфилду, который сам отказывается их ремонтировать и внаем сдавать не хочет. Чтобы спасти лицо, которое он скрывает от камеры репортера, лорд Уингфилд утверждает, что английские законы на его стороне. И лорд тут абсолютно прав.

СОБАКА — ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Собака — враг наркомана. Последнее не противоречит первому, ибо наркоман теряет человеческий облик и в погоне за очередной порцией «коричневого сахара» — героина, без которого он испытывает страшные муки каждые четыре часа, готов пойти на любое преступление. С помощью таких вот собак-ищеек, специально натренированных на запах героина, в парижском аэропорту были арестованы десятки «курьеров», перевозящих наркотики из Гонконга и Бангкока в Западную Европу. Увы, полиции и собакам удается поймать лишь «мелкую рыбешку», перехватить лишь жалкую долю наркотиков, производимых 10 или 12 подпольными синдикатами, которые принадлежат китайской мафии. «Сладкая отрава» так или иначе достигает потребителей — сотен тысяч молодых людей в США и Западной Европе, отчаявшихся найти свое место в жизни.

МЕРТВЫЕ ДУШИ. В финансовом отделе военной авиабазы близ Бонна все операции по расчетам денежного довольствия вел сержант Зигфрид Шмидт. Это был расторопный и добросовестный бухгалтер, всегда первым приходивший в контору и последним уходивший домой. Более того, отличный служака добровольно оставался для выполнения сверхурочной работы. Двенадцать офицеров и пять правительственных ревизоров ежегодно проводили ревизию, ничего плохого не обнаруживали, и сержант регулярно получал за отличную службу медали. Так бы и продолжалась его славная карьера, если б в один прекрасный день, обуреваемый муками совести, Шмидт не явился с повинной в полицию. Оказалось, что Шмидт включил в бухгалтерские книги несколько тысяч солдат — мертвых душ, за которых он получал в течение нескольких лет довольствие. Всего он похитил таким путем более полутора миллионов марок. Свои «полки» сержант составил по справочнику абонентов телефонной сети, а чтобы такое огромное количество «живой» силы было не столь заметно, разбросал мертвые души по разным воинским подразделениям.

СОЛДАТЫ В МИНИ-ЮБКАХ

Американский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» всегда страдал казарменным пуританством. Не кинозвезд, а новейшие нейтронные бомбы рекламирует это издание; такова уж специфика рупора Пентагона. И вдруг метаморфоза: два разворота очередного номера заполнены цветными фото улыбающихся девиц. Может быть, журнал резко изменил ориентацию? Может, изменился сам Пентагон? Отнюдь нет. Девицы эти — кадеты военно-воздушной академии. Конечно, на учениях, скажем, рукопашного боя им не до улыбок — нередко их уносят с переломанными конечностями и порванными связками. Почему же они улыбаются на снимках? Не потому ли, что армия сулит им настоящую занятость и неплохое жалованье?! Почему же Пентагон проявил вдруг заботу о безработных девушках? Не потому ли, что после вьетнамской авантюры число кандидатов в военные академии резко сократилось?!

ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ СТОРОНЫ МЕДАЛИ

И. ГОРЕЛОВ

— Боже, куда катится мир! Никуда не денешься от этих болтунов! — воскликнул сэр Генри в ответ на неосторожное замечание своего коллеги по клубу: «Прекрасная погода сегодня, не правда ли, сэр?»

В том старом, одном из тех, что до недавней поры веками и в неприкосновенности существовали в Лондоне, клубе главным правилом считалось «прайвеси». Клабмены собирались вместе, чтобы не общаться, не разговаривать и ни с кем ничем не делиться. Это был мир коллективного одиночества, и привычной была там фраза:

— Джордж, — говаривал сэр Джон (нужно сказать, что всех слуг в этом клубе независимо от того, как их при рождении нарекли, для удобства почтенных членов клуба звали Джорджами), — поставьте на каминную полку две бутылки моего любимого вина, дайте мне газеты и разбудите послезавтра в половине десятого...

Англия, как известно, любит и пестует традиции. Одни из них, как, например, традиции аристократических клубов, были эхом «добрых, старых времен», точнее, эхом еще имперской, колониальной эпохи. Другие, вошедшие в кровь и плоть народа, стали тем, что принято называть «связью времен» и что за Кордильерами, Гималаями и в районе Нгоро-Нгоро однозначно называют «английской традицией». Такова и любовь англичан к спорту и спорам.

Спорят и заключают пари по любому случаю. «Ставлю три против двух, что завтра будет дождь», «держу четыре против одного: лейборист на этот раз побьет консерватора» — это в Англии так же привычно, как в другой стране «я думаю, что...». Но больше всего, разумеется, спорят о спорте. Да и можно ли представить себе, что такой вид спорта, как, к примеру, бокс, мог родиться в стране, где неведомо спорничество?!

В Англии любят традиции, и потому чуть ли не национальным событием стал юбилей одной из них — сто лет Уимблдонского теннисного турнира.

Что представляет собой этот турнир со спортивной точки зрения? Комментаторы говорят: «Неофициальное первенство мира». Возможно, и так, но все же, заметьте, неофициальное и с профессиональной точки зрения, как считают многие теннисисты, Уимблдон — лишь один из многих крупных турниров. Но отчего же ежегодно он неизменно собирает, как определил бы один популярный спортивный комментатор, «больших мастеров ракетки»?

Билли Джин Кинг, шестикратная победительница Уимблдона в одиночном разряде, сама удивляется:

«Не понимаю сама почему, но Уимблдон для меня — это как встреча с любимым».

Первый номер мужского тенниса, хмурый и замкнутый американец Джимми Коннорс куда как строже:

«Уимблдон? Я езжу на него только для того, чтобы выиграть».

Так что же такое этот Уимблдонский турнир?

Конечно, Уимблдон, где ежегодно в конце июня встречаются на турнире лучшие теннисисты мира, уже не тот «Всеанглийский клуб крокета и лаун (то есть с травяным покрытием) тенниса». Уже музейными стали его строгие правила: «Джентльменов просят играть в рубашках с длинными рукавами, когда на кортах присутствуют дамы»; уже ушли времена, когда каждый играющий в теннис считал долгом хоть раз в жизни ступить на зеленый газон Уимблдона; уже историей стала «историческая» встреча на турнире 1926 года герцога Йоркского, а в будущем короля Георга VI, уступившего в первой же партии некоему сэру Луи Грейгу, и подзабываться стало то знаменитое поражение в финале сэра Томаса Сэнт-Леджер Гулда, быть может, решившее всю его несчастную судьбу (сэр Гулд был вскоре осужден за убийство некой вдовы); и уже никто не вспомнит, как вдохновенно, «перехватывая мячи соперника с ловкостью умелого ловца бабочек», играл первый победитель турнира-1877 сэр Спенсер У. Гор! ...Не тот, конечно, стал Уимблдон...

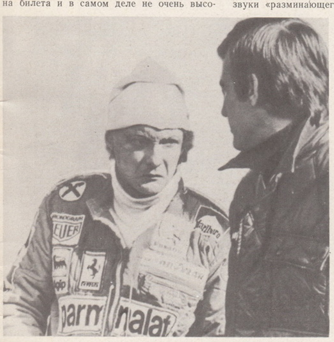
И все же. Лишь два года назад ушел на заслуженный отдых Боб Туайнам, до этого пятьдесят два года подряд с лупой, остро наточенными ножницами и бритвой подстригавший (фу, что за грубое слово!), холивший и лелеявший газоны Уимблдона. Каких-то десять лет назад был установлен (ныне побитый) абсолютный уимблдонский рекорд: за двенадцать дней турнира зрители поглотили 195 тысяч чашек чая, 50 тысяч стаканов кофе-гляссе, 34 тысячи бутылок пива, 45 тысяч бутербродов, 70 тысяч порций мороженого и 49 тысяч порций клубники со взбитыми сливками! Нет, нет — рано хоронить старину Уимбл-

дон; все так же аллеи клуба превращаются в клуб для едва ли не всех девиц, обучающихся в лучших колледжах Лондона, — каждая в форме своей школы, у каждой в одной руке — мороженое, в другой — ручка и блокнот для автографов («Остановите их! — вскричал президент английской ассоциации тенниса сэр Джон Ньюкомб, — иначе они разорвут кого-нибудь на части!»); все так же прохаживаются по аллеям, демонстрируя отменную военную выправку, отставные майоры и полковники, учтиво раскланивающиеся с дамами среднего возраста, демонстрирующими умопомрачительные прически и шляпки; все так же дремлют на своих местах правые даже в неправом древние судьи, свидетели давно забытых всеми побед и поражений.

Но! Свежие ветры дуют над Уимблдоном: безбрежный демократизм всегда был свойствен его устроителям, теперь же они пошли на то, чтобы мальчиками, подающими мячи, стали девочки, прошедшие специальную школу мальчиков, подающих мячи. Гостеприимство же устроителей, всегда столь ценимое, и теперь не иссякло: цена билета и в самом деле не очень высока — около полутора долларов. Правда, важно достать этот билет, и заняться этим надо непременно за пару месяцев до начала турнира; конечно, можно и во время турнира купить билет — у спекулянтов он будет стоить раз в двести дороже. Но и билеты разные бывают: вы отстоите трехкилометровую очередь перед открытием ворот (ровно в полдень открываются ворота, и рекорд стояния в очереди, установленный неким плотником из Брайтона, — так и тянет написать «сэром...» — равен 54 часам) и поймете, что вы наконец на турнире, и теперь-то и начинается самое главное — надо попасть на него. Уимблдон располагает четырнадцатью полями, и на тринадцать из них попасть не так уж сложно. Беда в том, что главные события разворачиваются на четырнадцатом — Сентрал корте. Если у вас билет на одно из 11 тысяч сидячих мест — все в порядке. Если на одно из трех тысяч стоячих и ненумерованных, то у вас появляется шанс стать истинным любителем тенниса, которому слушанье магических звуков «тик-ток», издаваемых мячом, не менее сладостно, чем, скажем, для меломана звуки «разминающегося» оркестра.

32 тысячи человек посещают корты Уимблдона ежедневно! Англичане любят традиции, любят спорт и любят спор. Многое, несомненно, изменилось за сто лет Уимблдона: куда как длиннее были прежде шорты теннисистов, куда как короче были цифры выигранных призов. Мифом и историей стали имена прежних чемпионов — братья Дохерти (девятикратные чемпионы), Борейра, Коше, Терри, Бадж, Риггс, Лакосте (этот, правда, более известен не музейной ценностью, а фирменными рубашками с крокодильчиком); уже никто не размахивает треугольной ракеткой модели «дьявол»; уже мало кто утешается словами сэра Редьярда Киплинга, выбитыми в бронзе над входом в Сентрал корт, — «Примите сердцем одинаково постигшие вас поражение или победу»; уже не удивляют никого ежедневные 400—500 обмороков, регистрируемых среди юных болельщиц, напрактиковавшихся в этом деле на концертах рок-групп; уже...

Все ж Уимблдон продолжается. Есть такая «третья сторона медали» у спорта: иногда он становится народной традицией. Частью общественной жизни...

Этот мрачный человек на снимке — известный профессиональный автогонщик австриец Ники Лауда. То, что это именно он, ясно даже по шрамам на лице — в одной из недавних гонок Лауда попал в тяжелейшую катастрофу и едва выкарабкался. То, что это профессиональный спортсмен, ясно по многочисленным рекламным наклейкам фирм. Когда Лауда садится в свой «феррари», то наклеек куда больше: они и на шлеме, и на самой машине.

Вот еще одна сторона спортивной медали, и без нее спорт, в первую очередь профессиональный, обойтись в наши дни никак не может. Разговоры на тему «спорт и реклама», как правило, сводятся к вопросам морали, хорошего вкуса и этики. В самом деле, вид человека-сандвича никак не укладывается в рамки того жесткого и чистого от всех посторонних забот идеала спортсмена, о котором любил говорить основатель современных Олимпиад барон де Кубертен. В самом деле, реклама эксплуатирует спорт, а фирмы-рекламодатели наживаются на спорте. Но та же реклама — если смотреть истине в глаза — поддерживает спорт, если угодно, дает ему жизнь. Таковы условия игры в западном обществе. Чтобы дать представление о том, что есть реклама и средства, получаемые от нее для спорта, приведем один лишь красноречивый факт: ежегодный бюджет Итальянского олимпийского комитета равен 50 миллиардам лир. Еще 25 миллиардов комитет ежегодно получает в качестве дохода от рекламы.

Судя по сообщениям печати, наибольшей популярностью среди рекламодателей пользуются такие виды спорта, как авто- и мотогонки, велосипед, теннис, горные лыжи, баскетбол. Идет борьба за каждый квадратный сантиметр одежды спортсмена (что само собой понятно, скажем, в плавании — какая уж там одежда!); реклама на каске автогонщика стоит три с половиной миллиона лир, та, что ниже, — полмиллиона. Идет борьба за каждый метр трека или ограждения поля: к примеру, рассказывают, что фирма холодильников «Игнис» заплатила миллионную премию велогонщику, «танцевавшему» в «сюрплясе» 24 минуты как раз перед рекламой «Игниса». Такая реклама на телевидении обошлась бы фирме раз в сорок дороже.

Обратимся, однако, к рекламным наклейкам Ники Лауды. «Пармалат» — фирма молочных продуктов; это понятно. «Феррари» — автомобильная фирма, и Лауда выступает на ее машинах — это тем более ясно. Но вот «Мальборо», как попала эта фирма сигарет на куртку спортсмена: ведь реклама сигарет в спорте была законодательно запрещена в Италии в 1962 году. Очень просто: различные «Мальборо», «Житан», «Ротменс» и т. д. рекламируют, как утверждают они, не свой главный продукт — сигареты, а побочный; «Житан» выпускает джинсы и спортивную одежду, «Мальборо» — куртки и комплекты для лыжников и теннисистов и т. д. Когда речь идет о доходах, бизнес всегда показывал рекорды быстроты, ловкости и изобретательности.

Не чужд бизнес и общественной «благотворительности». Дело в том, что такая невидимая реклама, такая популярность мецената не менее прибыльна, чем реклама на майках спортсменов. Но спорт, бедная падчерица западных обществ, объективно выигрывает и от такой подачки: к примеру, отделение фирмы «Кока-кола» в Италии патронирует развитие детского баскетбола, а «Фиат» — гребной спорт, борьбу, стрельбу из лука.

Реклама пронизывает в капиталистических странах все и вся: от бога до гуталина. Мог ли уберечься от этой напасти спорт? Вряд ли. И потому реклама стала еще одной стороной его не всегда блестящей медали.

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 14/X 1977 г. Подп. к печати 23/XI 1977 г. А05143. Формат $60\times90^1/_8$. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1864.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Марта шла по улице. Марта вела за руку ребенка. Остановилась машина, выскочили несколько человек, схватили Марту, втолкнули в машину. Это случилось 9 августа 1976 года. Потом ее обезображенный труп — Марту пытали в ДИНА — был найден неподалеку от Вальпараисо...

До фашистского переворота 1973 года Марта Угарте была учительницей, членом ЦК Компартии Чили. Была счастливой матерью, была красивой и нежной женщиной, хорошим и верным другом. О ней рассказывал в Сочи во время V Международного фестиваля молодежной песни чилийский композитор Серхио Ортега. Свою песню он назвал «Марта Угарте остается...». В Сочи же член жюри фестиваля поэт Роберт Рождественский написал к ней русский текст, и ее пели советские певцы Жанна Рождественская и Иосиф Кобзон.

МАРТА УГАРТЕ ОСТАЕТСЯ...

Стихи и музыка Серхио ОРТЕГА

Русский текст Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Мар-та... Ро-зы, по-ли-ты-е
кровь-ю до-ро-гой тво-е-ю кровь-ю не за-
-сох-нут, не у-вя-нут, вспых-нут а-ло...
Мар-та, ты о-пять встре-ча-ешь ут-ро вмес-
-те со сво-им на-ро-дом, пред то-бой он на ко-
-ле-нях, как влюб-лен-ный. Припев: dolce Мар-та, пусть люб-
-ви боль-шой зна-мя рас-пах-нет-ся вновь над
на-ми ты ос-та-нешь-ся на-веч-но в на-шем
серд-це. Мар-та, бу-дешь жить в вы-со-ком
не-бе, в жар-ком солн-це, в доб-ром хле-бе, мы те-
-бе в люб-ви кля-нем-ся. В на-шем серд-це, в на-ших
замедляя
пес-нях ты ос-та-нешь-ся на-веч-но!

Marta, si se riegan con tu sangre
no se secan los rosales
eres roja primavera
verdadera.
Marta, como el pan en paño blanco
amaneces con tu pueblo
con tu amante perseguido
no vencido.

Припев:

Marta, tu bandera enamorada
vivira, no fue alcanzada
en la hoguera de la fiera
sigue entera.
Marta, en la calle esta tu amante
en el pan y en el martillo
el te gúarda entre sus brazos
con la patria, novia herida
el te gúarda entre sus brazos.

Индекс 70781
Цена 25 коп.